

НАШИ ТАМ

АЛЕКСАНДР ЛИБИХ
ВЫЖИТЬ В ЛЕСУ
МЕЖДУМИРЬЯ

Наши там (Центрполиграф)

Александр Либих

Выжить в лесу Междумирья

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Либих А.

Выжить в лесу Междумирья / А. Либих — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09071-3

В таинственном Междумирье решается, будет ли жить человек, который в реальном мире тяжело ранен или болен. Здесь нет одиночества, даже тихий, замкнутый человек внезапно оказывается в гуще событий, от него зависит судьба других людей и существ из волшебных стран. Все дороги ведут к лесному замку – к гордой фее: почему-то именно у нее находят приют те, кому больше некуда идти. В жестоком мире, в котором придется сражаться с хищниками и чудовищами, героям суждено узнать любовь, и пусть добро не всегда сильнее зла, но жизнь чудесна рядом с теми, кто тебе дорог...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09071-3

© Либих А., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Либих

Выжить в лесу Междумирья

Серия «Наша там» выпускается с 2010 года

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Либих А.А., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Любое совпадение имен, фамилий, мест и названий является случайным

Часть первая

Выжить в лесу Междумирья

Глава 1

Встречи у ночного костра

Николаю все-таки удалось заблудиться. Этот пологий холм, удивительно высокие сосны и березы и полностью заросший травой ручей в две ладони шириной он раньше не видел. Допустим, насчет деревьев он не уверен, он же не ботаник или индеец. Однако своим ощущениям он привык доверять, и ему дышалось здесь легко, а значит, он безнадежно заплутал в дремучем лесу и никогда не найдет пути назад. Пусть его все забудут. Оставалось только оглянуться, чтобы не было никаких сомнений. Николай осторожно снял огромный рюкзак и медленно повернулся.

Шагах в пяти от него на упавшем дереве, жмурясь от солнца, лежала роскошная бело-рыжая кошка... нет, кот, потому что здоровенный, морда бандитская и похож на давно умершего Тимоху.

– Не бойся, я добрый, – сказал Николай на всякий случай, хотя было видно, что кот спокоен: вряд ли он верил в людскую доброту, но знал, что двуногие создания глупы и медлительны.

Когда ветер немного взъерошил его шерсть, кот встал, зевнул и поточил когти о дерево.

– Не уходи! – попросил Николай. – Можно я буду звать тебя Тимофеем?

– Конечно, – ответил кот, – поздно мне уже имя-то менять.

Он спрыгнул в траву, замер на мгновение, потому что трава была холодной, подошел неторопливо к Николаю и потерял о его сапог.

– Не нравится мне эта гладкая резина. Чё ты кирзачи не взял?

– Выбросил их уже, продырявились, – хрипло объяснил Николай.

– Хочешь сказать, что я об них часто терся?

– Нет, старые стали... А ты кто?

– Не груби, я же не виноват, что ты здесь оказался. К тебе должны были люди выйти, но среди твоих покойных родственников никого не удалось подобрать. Тогда мне сказали: «Тимофей, хочешь не хочешь, но ты и Чир – его единственные друзья, вот вам его и вести».

Точнее, мне с тобой возиться, потому что Чир... ну, ты сам знаешь, много ли у щегла ума? В принципе, ему одному хватает, но еще и за тебя думать – это для щегла уже чересчур, не потянет. Тебе совет будет нужен, а Чир нахочится и клюв не откроет или от испуга начнет нести всякую ахинею, типа «взмахни крылышками и улетим отсюда!». Так что не забывай, кто здесь главный и кого слушать надо.

– Чив-чив! Как важно ты мяукаешь! Но все знают, что ты просто неграмотный разбойник!

Услышав возмущенное чириканье, Николай поднял голову и увидел щегла.

– Коля, если тебе обязательно главный нужен, то лучше назначь меня. Я с дерева далеко вижу и могу тебя предупредить, а Тимофей... Вспомни, что он по вечерам предлагал, когда ты чуть живой с работы возвращался: «Пойдем девочек поищем или кому-нибудь морду исцарапаем!» Ты думаешь, он с тех пор умнее стал?

– Опытней я стал, – ответил кот, – осторожней. Тут, Коля, такого повидали... но ты не дрейфь! Трусить, брат, нельзя, иначе и отсюда прогонят...

Николай лежал то на спине, то на боку, бросал иногда пару веток в костер и слушал рассказы Тимофея, которому тоже не спалось. Впрочем, неправда, кот легко бы задремал: его глаза закрывались, голова падала, но тотчас он просыпался и мурлыкал дальше. Помнится, он и раньше не имел такой привычки – сладко дрыхнуть, если на друга темные мысли и предчувствия наваливались. Одна женщина называла Тимоху наглой, зажавшейся мордой, только вот не понимала она его, как и Николая. Мало ли что могут себе мужик и кот в хорошее, сытное время позволить – это еще ни о чем не говорит.

Щеглу рассказы Тимофея были неинтересны, он поклевал крошек с ладони Николая и взлетел на дерево – якобы бдеть во тьме ночной.

– Чирок, – позвал кот, – ты бдишь?

Щегол не ответил.

– Лишь бы его филин не утащил, – вздохнул Николай. – Завтра вечером я ему в рюкзак крошек насыплю, пусть там и спит.

– Да, ночью он беспомощней слепого котенка или тебя пьяного. Леший его как-то по клюву щелкнул, и Чир проснулся, но не мог сообразить, что это было. Ну, он не стал себе долго голову ломать и опять уснул. И так три раза, пока я лешему не сказал, чтобы он Чира в покое оставил. Леший, он в шутках меры не знает, и шутки у него все какие-то пакостные. Ты с ним поосторожней будь. Может, мне его сразу прогнать или хочешь познакомиться?

– Он к нам, что ли, идет? – Николай сел.

– Ковыляет на огонек.

Вскоре раздалось деликатное покашливание, и к костру, сильно хромя, подошел маленький старичок – он был ниже, чем сидящий Николай.

– Мог бы и не кашлять, – сказал Тимофей. – Я тебя давно услышал, еще когда ты в кустах на четвереньках стоял и нас разглядывал.

– Тимоша, откуда ты знаешь, что я на четвереньках стоял?

– Догадываюсь, потому что нам с Чиром уже не раз на твою тощую задницу смотреть приходилось. В кустах две кикиморы и всякие мелкие злыдни ползают, но тебе наплевать на то, что позади творится, и ты пытаешься свое отношение к миру выразить как можешь.

– Умный ты кот, Тимоша, когда думаешь. Зря тебя все за безбашенного держат. Но все-таки человека я бы тебе не доверил – большой он и неловкий, многие попытаются его... ну не будем сразу о грустном.

Старичок сел по другую сторону костра и кивнул Николаю:

– Я это... леший. Можно я тут побуду?

Николай тоже кивнул.

– А имя у тебя есть, дедок? Меня, например, зовут... по-твоему, наверное, Николаша.

Тимофей, зевнув, объяснил:

– Нет у него родителей, и хозяина нет. Болтают, что леший у нас от сырости завелся, кто ж ему имя-то даст?

– Врут! – возразил старичок тихим, скрипучим голосом, потом вытер ладонью рот и подбородок и добавил уже уверенней: – Врать у нас любят!

Тимофей взглянул на его обиженно трясущиеся губы и промолчал. Порывом ветра выбросило из костра маленькую ветку. Николай поднял ее и положил опять в огонь.

– Ты, Николаша, утром костер не туши, – попросил леший. – Шибко мне хочется, чтобы этот лес сгорел. Тогда я, наверно, уйду куда-нибудь... а так не решаюсь. Ты сам-то зачем сюда пришел?

– Знаешь, дедушка, там, где я живу, все, похоже, думают, что я от сырости завелся, и хочется мне порой идти, идти...

– Коля, без меня и Чира тебе совсем плохо стало?

– Да, – помедлив, ответил Николай. – Я раньше хоть какой пьяный был, а знал, что вы меня ждете. Кормил-поил вас, и, например, зеленка всегда должна была дома иметься, чтобы твои боевые раны мазать. А когда я потом один жил, то мне и думать вроде не надо было, чуть на улице не оказался.

– Да ты что! – вздрогнул и зашипел кот. – Это самое последнее дело – живое существо из дома выгнать!

– Тимоша, не психуй! Я боюсь, когда ты нервничаешь, – забеспокоился леший. – Зачем он вообще нужен, дом-то?

Кот сверкнул на него глазами и повернулся опять к человеку.

– Коля, я прежде не мог рассказать, а теперь расскажу. Нас у мамы было пятеро, троих люди забрали, сестренку и меня никто не выбрал: сестра хроменькой родилась, а мою морду, наверно, уже и в то время нельзя было назвать миловидной.

Ну, однажды вечером бабка-хозяйка долго на нас ворчала – похоже, чтобы свою совесть успокоить, – и унесла нас обоих на помойку. Сестренку крысы быстро учуяли и сожрали. Меня бы тоже нашли, нисколько не сомневаюсь, но тут я тебя увидел и начал звать изо всех сил.

Ты, конечно, был податый и упал, когда нагнулся, чтобы меня подобрать. Тут я, кутеныйш глупый, напугался, поковылял за мусорный бак от тебя прятаться, и тебе пришлось на четвереньках за мной идти. Ругался ты страшно, но все-таки взял меня. Я этого никогда не забуду. А крыс я потом много передавил, некоторых тебе показывал – и это были только самые крупные.

– Тимоша, ты только не злись, но я еще больше не понимаю. Если убивать позволено, то почему нельзя из дома выгнать?

– Ох, леший, какой ты иногда упрямый и несообразительный! Давить можно крыс и мышей... ну, мух тоже можно, или если какая-нибудь рыбешка зазеваается, то она твоя, то есть моя! И если ты у меня еще раз карася утащишь... – Кот выгнул спину и распушил шерсть, чтобы показать, какой он огромный, уродливый и ужасный.

– Тимоша, я же тебя двумя голавлями не упрекаю, потому что сам виноват, – оба раза от радости про тебя забывал.

– Дедушка, у меня немного печеной картошки осталось, – вмешался Николай.

– Да я видел, но ты пока не доставай.

– Нельзя быть таким жадным, – упрекнул Тимофей, – и вообще, мне кажется, русалки картошку не едят.

– Не будем рисковать, – возразил леший.

К костру, держась за руки, подошли две русалки: одна была похожа на тихую, умненькую первоклассницу, другая напоминала круглолицых тюремных надзирательниц из бандитских телесериалов, взгляд у нее был неодобрительный и требующий объяснений.

Николай почувствовал себя виноватым, хотел робко поздороваться и сказать, что заблудился, но промолчал, даже прикусил губу. Не будет он больше ни перед кем оправдываться. Пусть лучше скажут, почему у них волосы не зеленые и рыбьих хвостов нет! Обычные женщина и девочка, только строят из себя... Впрочем, русалки бывают разными. Николай вспомнил, что бабушка о них рассказывала: в лесу танцуют, хороводы водят, на деревьях сидят, могут в деревню прийти.

Кот потянулся сонно и посмотрел на старшую русалку с некоторым удивлением – мол, никто тебя не звал.

Леший заерзал и сказал обеспокоенно:

– Цветочек, человек без меня заблудился. Зачем бы я его сюда привел? Я их к вам заманиваю, как уговорено было, но я вчера с болота не уходил, нога у меня опять сильно болит.

Маленькая русалка села рядом с лешим.

– Дедушка, можно я тебя полечу?

– Полечи, Настенька, милая.

Русалка положила ладошку на колено лешего и закрыла свои большие, яркие глаза.

Кот фыркнул:

– А ты для девочки картошку пожалел... дедушка.

– Нет, не пожалел, – ответил леший, – поберег.

Старшая русалка засмеялась, под села к Николаю и положила руку ему на плечо.

– Бедный мой, печальный компьютерщик, заплутавший по жизни!

«Круто берет, – подумал Николай, – но отодвинуться как-то неудобно». Да и не хотелось ему отодвигаться, поэтому он только сказал:

– Не печальный я... и не компьютерщик.

Русалка улыбнулась и стала непохожей на тюремную надзирательницу, ее теплая рука грела Николаю шею. «Я сам, наверное, мертвецки холодный, поэтому русалка мне теплой кажется», – с тоской подумал он.

– Был у нее один компьютерщик, – сказал кот. – Вроде бы денежная профессия, но ведь надо еще и пристроиться. Ну, Цветочек его не торопила, и он потихоньку пристроился к одной дамочке побогаче. Цветочек ведь на заводе работала, как ты, – какой с вас навар? Коля, я на тебя не обижаюсь, я кильку люблю, но слышал от некоторых котов, что заморская жратва невыразимо вкусная. Врут, наверное. Думаю, что мне заморское не понравилось бы, а хотелось все-таки попробовать. Только когда ты хорошо зарабатывал, то в магазинах ничего для шикарной жизни не было, а когда появилось, то... ну да ладно.

Короче, так совпало, что тот мужик на какое-то время нашел неплохое место, и Цветочек утонула – по ее словам, случайно. Мне кажется, не сильно она своей судьбе сопротивлялась. Вот теперь очень ей хочется найти какого-нибудь компьютерщика, хотя она и обычного мужика утопить может. При мне только двоих на дно утянула. Я тебя, Коля, в обиду не дам, но ты и сам с ней ухо остро держи.

Николай потер затылок и не ответил. Что тут ответишь? Влип он по самые уши. Однако было в словах кота и кое-что утешительное: если его можно утопить, то он еще не мертвый. Попал в какое-то странное место, но пока живой.

Русалка тоже потеряла ему затылок, пощекотала и, низко опустив свою кудрявую голову, – так, что сноп соломенно-светлых волос упал Николаю на колени, – заглянула в его глаза. Платье у нее было простенькое, скромное, но верхняя пуговица была расстегнута, и у Николая захватило дух.

– Будешь со мной осторожным... теленочек?

– Прикидывается она гулящей, – предупредил кот. – Хочет, чтобы ты ее оттолкнул, оскорбил. Ей потом легче будет, если ты попадешься.

– Хватит уже, я даже по пьянке голову не теряю, – соврал Николай. – Почему тебя Цветочком зовут?

– Чир меня так назвал, ему это слово легче прошебетать. А раньше меня звали Светкой.

Русалка еще раз улыбнулась Николаю и оставила его в покое. Взяв прутик, она пошерудила в золе.

– Ну и где твоя картошка?

– Все, блин, Колину картошку хотят! – фыркнул кот. – Под березой она лежит, лопухом прикрыта. Вообще-то Коля может тебе и солонку дать, однако в этом лесу за твои, хоть и правда красивые, глазки никто тебе соли не даст. Расскажи сначала, по каким тропинкам мы отсюда выбераться сможем, но не так, чтобы к тем, внизу, попасть.

– Я знаю! – засуетился леший.

– Понятно, что ты знаешь, – пробурчал кот, – но ты лучше помолчи.

Старшая русалка, лукаво улыбаясь, вновь смотрела на Николая. Он смущенно отводил глаза и в конце концов опустил голову. От жара разгоревшегося костра пылало лицо. Искося взглянув на огонь, он немного отодвинулся.

– По ежевичной тропе доберетесь до холма с двумя соснами, – начала рассказывать Цветочек, – потом повернете...

– Направо, – подсказал леший.

– Налево, – возразила русалка.

– Ох, леший! – зашипел кот.

«Она не видит, как ты раскраснелся, темно же, – мысленно успокаивал себя Николай. – Понятно, что красавица, ей по должности положено, иначе трезвого мужика в озеро не заманишь. Глазки чистые, добрые. Наверное, каждый день в зеркальной воде на себя любитесь и думает, какие мужики дураки!»

Леший тем временем объяснял:

– Я имею в виду, если стоять к обгоревшей сосне лицом по другую сторону холма, а к солнцу, получается, спиной, если пойдете рано утром. А если хотите выспаться, не спеша идти и за холмом сначала пообедать, то тогда, конечно, надо взять налево от солнца – кто же спорит!

Подумав, русалка неуверенно сказала:

– Нет на холме обгоревшей сосны... или там недавно пожар был?

– Не помню, чтобы на холме когда-нибудь горело, а вот в лесочке рядом с ним есть одна снизу подпаленная сосенка. Ее, правда, не сразу видно, придется маленько поискать. Зато потом не будет никаких сомнений, в какую сторону поворачивать.

– Дедушка, может, ты нас проводишь? – попросил Николай.

– Конечно, прово... – поперхнулся леший от радости и с полминуты энергично кивал.

– А когда выберемся, то мы тебя досыта накормим, развяжем и отпустим.

– Но до этого кормить не будем, – уточнил Тимофей.

– Ах! Ой! – застонал леший. – Опять мои коленочки разболелись. Настенька, плохо ты меня лечишь, я тебе картошку не дам!

– Дедушка, я отдохну и еще раз попробую.

– Нет-нет, все, я уже решил окончательно!

– Настя, солнышко, пойдём ко мне, – позвал Николай.

Русалка вздрогнула, взглянула на старшую подругу и, видимо получив разрешение, подошла к Николаю. Он обнял ее, и она, как будто ожидавшая этого, сразу к нему доверчиво прижалась.

– Брат, ты не забывай, кто они, – предостерег кот. – У Насти в воду заманивать еще лучше получается, чем у Цветочка, а потом они вдвоем набрасываются.

– Дядя Коля, ты водку пьешь? – спросила Настя.

– Нет, – промямлил растерянно Николай. – Ну, так...

– Но не каждый день, и не всегда водку, – помогла ему Цветочек.

Николай посмотрел на нее с угрюмым презрением. Конечно, если баба может поехидничать, то ни за что не промолчит.

– Дядя Коля, ты дерешься, когда пьяный?

– Ну...

– Дядя Коля обычно тихий, – вмешался кот. – Бывало, мы друг на друга сильно фыркали, но до настоящей драки никогда не доходило. Так что теперь вы знаете: он не компьютерщик и не дерется.

– Но мужик, – сказала Цветочек.

– И водку пьет! – добавила Настя.

– И глаза у него печальные! – Цветочек прищурилась и сжала губы. Теперь она снова была тюремной надзирательницей.

– Не ссорьтесь, не надо, – попросил леший. – Николаша, я вспомнил. За холмом, действительно, налево лучше пойти, и доберетесь до старой ведьминой избушки. Но вы не бойтесь, бабка там уже давно не живет. От ее развалюхи есть тропинка к колодцу на полянке, а там... нет, не могу так долго правду говорить, выдохся, ты уж меня извини.

– Спасибо, – сказал Николай. – Значит, до ведьминой поляны с колодцем мы уверенно доберемся.

– И дальше не заблудимся, – пообещал Тимофей. – Я какую-нибудь местную зверушку поймаю, а когда моя лапа на чьем-нибудь хвосте лежит, то мне только правду говорят. Мелкие, конечно, не шибко много знают, но до ближайшего поворота дорогу расскажут, и так потихоньку выберемся.

– Куда-нибудь, – усмехнулась старшая русалка. – Ты, Тимофей, для кота очень умный и нигде не пропадешь, а твоему малопьющему другу в незнакомой местности плохо будет, чует мое сердце!

– Дядя Коля, мы можем тебя проводить. – Настя погладила плечо Николая.

– Ну, конечно, до поляны проводите, – буркнул кот, – и скажете, что теперь надо в колодец лезть.

– Верно, тропинка через колодец идет, – ласково согласилась Настя, глядя Николаю двумя ручками плечо и голову. – А вы откуда знаете, дядя Тимофей?

– Да уж догадываюсь.

Николай внимательно посмотрел на девочку.

– Нет, маленькое солнышко, мы другую тропинку найдем.

– Николаша, наверно, я совсем старый стал, трудно мне тебя понять. Ты же сам в этот лес пришел и вроде бы рад был – я слышал, как ты что-то напевал, мурлыкал не хуже Тимофея. А когда ты осматривался, то лицо у тебя было как у довольного, любопытного поросенка. И вдруг ты уйти хочешь, хотя запросто по дороге можно голову потерять.

Николай пожал плечами.

– Я думал, что в обычном лесу заблудился, и радовался, что он такой дремучий. Не знал я, между прочим, что за каждым моим шагом наблюдают. Оказывается, здесь кикиморы живут, и русалки, и ты, дедушка. Я сам то ли живой, то ли мертвый.

– Николаша, мы все полуживые-полумертвые. Иногда мне кажется, что я здесь самый живой... но куда идти-то? Русалки, к примеру, в твоём мире жили, пока им утонуть не помогли. Я уж не помню, откуда пришел, только вряд ли там было хорошо. Может, Николаша, ты себя пересилишь, останешься с нами? У тебя здесь друзья: Тимофей добрый и честный, насколько это для кота возможно, Чир тоже птица не вредная. Однажды он каких-то ягод наклевался и сказал мне, что он поэт и композитор. Я не знаю, что это такое, но, наверно, что-то хорошее, иначе бы зачем Чир так гордо чирикал?

– Оставайся, Коля, – сказала Цветочек. – Раз уж ты не компьютерщик и маленьких не обижаешь, то мы на тебя охотиться не будем.

– Не будем, дядя Коля! Мы с тобой подружимся!

– Жаль, что я смеяться не умею. – Кот потянулся и поскреб когтями землю. – Забирайте Колину картошку и валите отсюда! Мы спать будем!

Глава 2

Жуткий киномеханик

– Чив-чив! Бессовестные засони! Я вас всю ночь охранял и теперь еще будить должен! – возмутился щегол, сидя на нижней ветке. – Коля, ты что, сюда спать пришел? Ты, Тимоха, тоже вставай, и нечего на меня смотреть такими глазами, я тебя не боюсь!

Николай с трудом разлепил веки и удивленно заулыбался.

– Милый друг Коля, мне тоже здесь рано утром нравится, пока все еще в своих норках сидят. С восторгом оглядываясь окрест, люблюсь я красотами природы, а прелестницы-музы, нежно и приветливо хихикая, нашептывают мне замечательные рифмы: заря не зря, в путь идуть, мало попало. Потом я только подставляю к рифмам описания моих приключений и философских раздумий!

– Чир, сколько раз я тебе объяснял: нет никаких муз! Снятся они тебе, – проворчал кот. – Я незнакомых голосов в лесу никогда не слышал, а ты, глухая тетеря, что-то слышишь. Присниться и померещиться, конечно, всякое может. Леший рассказывал, что он однажды женщину с крыльями видел. Он три раза глаза протирал, а она не исчезала.

– Так это же муза была! – радостно зашебетал щегол.

– Нет, Чир. Не хочу тебя расстраивать, но когда леший в четвертый раз глаза протер, то дамочка с крылышками все-таки исчезла.

– Упорхнула она! О чем ей с лешим разговаривать? Тем более что он даже не поздоровался, а только глаза протирал!

Николай, развязывая рюкзак, возразил:

– Вообще-то леший постарше ее, могла бы красавица и первая поздороваться.

– Коля, ты не понимаешь, девицы из благородных фамилий...

– Хорошо, не понимаю, – примирительно ответил Николай. – Тебе, друг, за неусыпное бдение положены наивкуснейшие хлебные крошки – сколько захочешь, но только чтобы летать мог. Не думай, что ты до ведьминоного колодца у меня на кепке сидеть будешь. Меня это иногда раздражает. А мы с Тимохой откроем какую-нибудь консерву – посмотрим, какая нам улыбнется.

– Коля, ты, разумеется, хотел сказать «откроем консервы», – прочирикал щегол в мягком поучительном тоне.

– Нет, – уперся Николай, – одну консерву, потому что завтрак будет легким. Потом, как сказали благородные девушки, в путь идуть!

Впереди по тропинке шел Тимофей, не спеша переставляя лапки, принохиваясь, осматриваясь. Иногда он останавливался, чтобы подумать и почесаться.

– Коля, не злись, он торопится изо всех сил, – сказал Чир, сидящий на кепке Николая. – Я не помню, чтобы Тимофей когда-нибудь так редко чесался.

Николай вздохнул и поправил кепку.

– Я это, – смутился щегол, – стараюсь не ерзать.

– Да ладно...

Кот неожиданно попятился, и Николай на него едва не наступил.

– Тимоха, ты хоть предупреждай!

– Мы с Колей чуть не упали!

Кот не ответил на упреки и долго скреб за ухом.

– Так мы уже до акаций дошли! – испуганно чирикнул щегол.

Николай не видел, как маленький друг нахохлился, но было ясно, что в ближайшее время ничего хорошего ждать не следует.

– Чив-чив! Я предлагаю облететь акации так высоко, как только сможем, а вниз смотреть не будем!

– Умная ты птица, Чир, и товарищ надежный, – угрюмо похвалил кот.

– Да, – подумав, согласился щегол, – а по-нормальному, с уважением, не скребя за ухом, ты это сказать не мог?

– Тимоха, – пробурчал Николай, – я понимаю, что вид у меня дурацкий, когда Чир на кепке сидит. Но все-таки хотелось бы узнать, в чем проблема, и принять участие в дискуссии.

– Не люблю я это место, каждый раз хочется назад повернуть. Коля, обещай нам: если мы заорем, чтобы ты стоял, то будешь стоять. А смотреть – можешь. Мы подождем, пока ты насмотришься.

– Зачем он будет смотреть? – возмутился Чир. – Я сам зажмурюсь!

– Нет, Коля должен это испытать. Вдруг он когда-нибудь один здесь пойдет.

– Коля, я бы на твоём месте здесь один не ходил!

– Хорошо, не буду. Я правильно понял, что мне лучше нож достать? Правда, я его вчера не нашел, – вспомнил Николай, – чехол мне сразу под руку попался, а нож я нигде не нашупал и не хотелось все из рюкзака выкладывать.

– Что ты резать собираешься? – удивился щегол. – Коля, мы тебя к столу не пустим! Подожди, мне музы шепчут... тихо, не фыркайте, не шоркайте лапами... теперь слышу: «Я знаю, брат, ты не богат и рад в лесу вдруг колбасу и прочий закусон узреть, но это сон, и это смерть!»

Все помолчали из уважения к музам или еще по какой-то причине, потом кот рассудительно замыкал:

– А я тебе, Коля, про женщин скажу. Я ведь всех твоих видел, за исключением, может быть, одной-двух. Ни по какой из них я не тоскую. Во всяком случае, не забывай, что они сон и... Чир уже сказал. Не хочю это слово повторять, особенно здесь.

– Спасибо, мужики, вы всё подробно объяснили – и стихами, и по-всякому!

Николай тряхнул головой, прогоняя щегла, и решительно пошел вперед, но через несколько шагов вздрогнул и остановился. Неподвижными глазами он смотрел на... в это невозможно было поверить, однако он ясно видел Веру – единственную женщину, которую когда-то любил.

В двадцати шагах от него она сидела на столе рядом с акациями. Непонятно было, как она здесь оказалась, да еще с двумя столами – на втором лежала кралька копченой колбасы и стояла литровая бутылка перцовки, через мгновенье вдруг появились буханка черного хлеба, круг пастушьего сыра, зеленый лук и солонка... потом шиповниковый сок и большая коробка трюфелей для Веры.

Стульев не было, а вот две табуретки стояли за вторым столом. Просто Николай их не сразу заметил, потому что он во все глаза смотрел на Веру.

Она была удивительно юной, немного похудела, и на ней были те же самые блузка и юбка, в которых Николай семнадцать лет назад ее впервые увидел. Вместе с младшей сестрой она сидела тогда на старом деревянном мостике, там в одном месте перил уже не было. Девушки смеялись и болтали ногами, стараясь дотянуться до воды. Николай робко подошел, и они притихли, посмотрели на него настороженно. Ему стало стыдно, что он непрошено вторгся в их светлый, безмятежный мир. Почему-то Николай не мог даже одного слова сказать, только виновато кивнул и хотел уйти, но тут сестренки снова засмеялись, и он понял, что ему позволено остаться.

Теперь Вера нежно улыбалась. Она его простила, все ему простила! Ну, конечно, как же иначе, ведь он ее любит! Если человек любит, то не обижает и подлостей не делает, только иногда ошибается, но любую ошибку можно простить. Жизнь прожить – не поле перейти.

По щекам Николая потекли две слезинки, и как-то шее стало больновато. Он хотел ее потереть и уткнулся пальцами в щегла – тот бешено клевал его в шею. «Как он обиделся, что я его с кепки прогнал! Сильно у него в лесу характер испортился», – удивленно подумал Николай и услышал яростное шипение кота:

– Коля, еще один шаг – и начну драть твою ногу выше сапога!

– Отвали, Тимоха, не до тебе сейчас! Мне с Верой мириться надо!

– Проснись, брат! Она же к Лехе-шоферу ушла! Нет ее здесь!

О Лехе-шофере кот очень вовремя сказал, лицо Николая исказилось гримасой отвращения. Лицо Веры тоже исказилось, поплыло и растаяло, так же как оба стола с табуретками.

– Да-а-а... – сказал Николай. – Ну, хватит, Чир, кино кончилось. Ты что, совсем оглох? Хватит, всю шею мне исклевал!

– Прости, Коля!

– Знаешь, Чир, никогда не надо забывать, что ты поэт и композитор, а не бандюган. Музы ведь могут испугаться и больше не прилетят!

Щегол нахохлился. Помедлив, Николай сказал:

– Я болтал всякое со злости, не обращай внимания... и вообще, спасибо!

– Не грусти, Чирок, – промяукал кот. – Музы тебя не бросят, к кому еще им в этом лесу прилетать? А ты, Коля, молодец – только смотрел и плакал, и не побежал туда, мне даже не пришлось тебя царапать.

– Тимоха, я догадываюсь, что это такое кино по заявкам. Мне бы очень хотелось кино-механика увидеть и поблагодарить хотя бы какими-нибудь словами.

– Он слушать не будет. Кажется, у него даже ушей нет. Но подразнить можем, если хочешь.

– Коля не хочет, – сказал щегол.

– Почему же? – возразил Николай. – Мы никуда не торопимся. Меня, например, никто не ждет, а здесь интересно.

– Чирок, ты глаза закрой и клювик в перышки спрячь. Я скажу, когда чудо-юдо обратно под землю залезет... Коля, если ты на него разок полюбишься, то потом будет уже не так опасно кино смотреть. Леший иногда даже специально приходит – сядет вон на тот пенек, нога на ногу, и смотрит, ухахатывается, слезы от смеха не успевают вытирать.

– Чив-чив! – заволновался щегол. – Тимофеюшка, друг, ты только сам не дразни чудо-юдо! Мы знаем, что ты очень ловкий и везучий, но, может быть, прелестная богиня удачи сейчас пытается помочь какому-нибудь совсем пропащему бедолаге в другом лесу и быстро не вернется, поэтому сегодня не надо наглеть. Пусть лучше Коля камушек бросит, такой поуевсистей.

Николаю идея понравилась, и он завертел головой в поисках подходящего камня.

– Леший камни за пеньком прячет, – сказал кот. – Думаю, он не обидится, если мы один возьмем. Даже если он их считал, то уже вряд ли помнит, сколько там было.

Николай подошел к пеньку, присел и молча посмотрел на акации. Кот потерялся о его сапог.

– Скоро чудо-юдо опять начнет кино показывать, но ведь ты не леший, тебе смешно не будет.

– Коля, музы очень быстро шепчут мне: «Подразните чудо-юдо и катитесь отсюда!»

Николай поднял камень, переложил его несколько раз из руки в руку.

– Мне хочется бросить, но ведь там Вера была.

– Я понимаю. Хорошо, теперь смотри! – заурчал кот.

– Чив-чив-чив! – отчаянно защebetал щегол, но было уже поздно.

Как рыже-белый стелющийся огонь мчался Тимофей к зарослям акаций, в паре метров от них повернул, почти не снижая скорости, и попытался ускользнуть от вздыбившейся под ним земли, от посыпавшихся на него комьев. Из-под земли поднялась в рост человека распахнутая

пасть, напоминавшая ковш экскаватора, но значительно больше – она могла бы проглотить легковой автомобиль.

Николай вскочил, от испуга ноги у него подогнулись, как у старика.

Гигантская пасть захлопнулась, но тут же открылась снова и, крутясь с потрясающей скоростью, яростно хватала воздух.

Николай прошептал нехорошее слово. Чудовище, как будто услышав его, ответило обиженным, оглушающим рычанием, которое, однако, длилось не дольше, чем одинокий раскат грома. Охотник исчез под землей – почти так же быстро, как появился. А на поверхности вновь установилась идиллия ранней осени, разве что еще некоторое время клубилась пыль.

Николай почувствовал, что к ноге кто-то прижимается, и с огромным облегчением увидел дрожащего Тимофея.

– Это... не бойтесь, все нормально, – сказал щегол, и где-то наверху зашуршала листва. – Коля, почему твоя кепка в траве валяется? Ты ее надень, мы сейчас дальше пойдем.

Глава 3

Тебя видят все

– Вообще-то, маленький шанс у тебя есть. – Тимофей прижимал бурундука передними лапами и смотрел ему в глаза. – Но сначала я должен убедиться, что ты действительно такой умный и честный, каким мне кажешься. Нет, не надо кивать, я все равно должен проверить. Итак, первый вопрос: почему эту рыжую пройдоху Патрикеевну никто в лесу не любит?

– Потому что... потому что она не как вы, а вся рыжая.

– Правильно, поскромней надо быть, попроще! Теперь второй вопрос: сколько полосок на спине у твоей мамы?

– Три.

Тимофей подумал, пошевелил усами.

– Ты до сколько считать умеешь?

– До трех.

– Ладно, тогда правильно. Ну и наконец, последний вопрос. Надеюсь, что ты опять не оплошаешь. Куда ведет тропинка от ведьминога колодца?

– На край света за зеленым камнем.

– М-да, коротко и точно... поэтому самый последний третий вопрос: что видит такой любознательный парнишка, как ты, с зеленого камня?

– Дядя Тимофей, а вы не расскажете маме, что я на зеленый камень залазил?

– Я тебя не продам, клянусь моими седыми усами!

– За краем света начинается ужасная Солнечная поляна, но вы, дядя Тимофей, туда не ходите – там негде спрятаться!

Щегол прыгал по срубам колодца, пытаясь что-то разглядеть в глубине.

– Только черную воду вижу, нет там никакой дороги!

– Конечно нет. Отдохни лучше, не суетись, – устало ответил Николай. Он сидел, прислонившись к колодцу и положив одну руку на рюкзак.

Подождал Тимофей, поскреб за ухом.

– Тропинка ведет до зеленого камня, – думаю, он мхом зарос. Дальше местные бурундуки не ходят, потому что открытое место начинается, большая поляна... Возможно, она только кажется им большой.

– Чив-чив! Тима, почему ты уверен, что выход из леса именно в этом направлении?

– Кто тебе сказал, что я уверен? – удивился кот. – Но если я вместе с тобой буду по колодцу прыгать, то мы уж точно никуда Колю не приведем. Получается, что к выходу из леса тоже не приведем. Соображаешь?

– Подожди... нет, не соображаю!

– Чир, ты иногда до обеда мне сильно на нервы действуешь!

– Я-то здесь при чем? Ты же сам мне признался, что сегодня как пьяный и не можешь ни на чем сосредоточиться, потому что Колин рюкзак колбаской пахнет!

– Не ругайтесь, – сказал Николай. – Поляну перейдем, пообедаем и сосредоточенно подумаем.

Высоко над колодцем сгрудились ярко освещенные солнцем облака. Казалось, что они скрывают дворец с куполами, размытые очертания которого порой угадывались за плотным белым покровом. Если бы кто-то крылатый случайно пролетал мимо, то услышал бы уверенные, хорошо поставленные голоса:

– Не имея благородных, а также иных целей жизни, он защищался от хаоса бессмысленного существования пьянством и сквернословием. Я согласен, во время сквернословия он редко имел в виду действительно то, о чем говорил, но все-таки другим душам было обидно. Этим в какой-то степени можно объяснить, почему никто не решился ему помочь, однако главным было понимание того, что пьянство в его случае неизлечимо. Нет сомнений, что он и сам инстинктивно об этом догадывался. Его попытки вести трезвый образ жизни были короткими и смехотворными. Я убежден, что мы не должны принимать их во внимание.

– Высокочтимый коллега, вы ошибаетесь! Любую попытку встать на путь добродетели мы должны учитывать, сколь бы короткой и беспомощной она ни была. Разве можем мы замалчивать тот факт, что уже в последние часы перед Странствием он не положил в рюкзак ни одной бутылки, хотя изначально хотел положить две, и они у него были, стояли на подоконнике на видном месте – он думал о них при выходе из квартиры и по дороге на вокзал, очень хотел вернуться, но медленно шел дальше!

– Переходя дорогу, он забыл посмотреть налево, ибо по-прежнему думал об оставленном дома привычном утешении. В последние мгновенья перед Странствием он принял решение вернуться!

– Подобные решения он принимал восемнадцать раз, но все-таки переубеждал себя, и непосредственно перед Странствием в его рюкзаке не было спиртного. Именно из этого мы должны исходить при дальнейшем написании его судьбы, в которой ставить точку я категорически отказываюсь.

– Однако радуется ли он в сию минуту и тихо хвалит себя добрыми словами за то, что не взял ни одной бутылки, или лучше не будем включать мыслетранслятор? И почему мы уходим от главной темы нашей дискуссии – о бессмысленности его существования?

– Вы говорите страшные слова и забываете упомянуть, что его жизнь не всегда была бессмысленной, и ему только сорок один год!

– Отсутствие детей, недостаток образования и монотонная работа с железом способствовали тому, что у него довольно долго сохранялись примитивные романтические фантазии. Однако на 5715-м конгрессе, как вы, несомненно, знаете, было принято решение, что детско-юношеские фантазии у разумных существ только до тридцати пяти лет допускается приравнивать к целям жизни, и лишь при неоспоримом наличии смягчающих обстоятельств.

– Весьма спорное решение рекомендательного характера. Осмелюсь напомнить вам: мы призваны воздать по заслугам, исправляя ошибки других, ибо нам доверяется всецело. Только силы безграничного зла могут заметить нашу ошибку, но не укажут нам на нее, а тайно возрадуются.

– Милосердный коллега! Устыдившись моего ехидства и жестокосердия, молю о прощении и боюсь, что не смогу теперь быть достаточно строгим, поэтому считаю благоразумным перенести продолжение нашей беседы на другой удобный для вас день.

Русалки и леший сидели на берегу озера, маленький дедушка рассказывал:

– Коля был хмурым – кажется, он из-за чего-то злился на себя, а Тимофей и Чир тем временем орали друг на друга. Потом все успокоились и пошли почему-то по направлению к Змеиному оврагу. Однако сразу за Солнечной поляной они сели под березой и открыли большую консерву... ах, как она пахла! Но я к ним не пошел.

– Правильно, дедушка. Мы тебе за это карасика поймаем.

– Да знаю я, Настенька, что вы мне пяток карасиков дадите, но не в них же дело! Мы с вами хорошие знакомые. Конечно, просто так мы друг для друга пальцем не пошевелим, но вас я понимаю, а Коля чужой... хоть и не вредный.

– Трудно мне будет его топить, – вздохнула Цветочек. – Даже когда он на мои груди смотрел, не смогла я разозлиться, не противно было. Глаза у него не волчьи.

Настя, поджав губы, взглянула строго на старшую русалку и повернула головку опять к лешему.

– Дедушка, он консервой закусывал?

– Ну да, кушал он ее... а Тимофеюшка еще колбаску кушал, потом глаза у него были круглыми, и, кажется, он ни фиги не соображал.

– Значит, он дядю Тимофея и дядю Чира тоже напоил?

– Нет, зачем бы он их поил? Они сами из ручейка пили, сколько хотели. Много пили, но ведь это же вода была. Ты, Настенька, уж чересчур придираешься!

– Дяденьки умеют притворяться, но я про них все знаю!

Девочка быстро, тяжело задышала. Цветочек села рядом с ней, обняла ее большими, сильными руками и, прижав к себе, поцеловала кудрявую головку и лобик.

– Звездочка любимая, котеночек мой нежный, успокойся, мы про них все знаем!

– Конечно, все они водку пьют, – сказал леший грустно, – и меня, похоже, однажды напоили, потому что совсем не помню я, зачем в этот лес приплелся и, главное, откуда. Хотя, может, сам я с тоски мухоморов наелся... только вот что интересно: на здешнем болоте я, бывало, тоже мухоморы ел, но потом там же и просыпался.

– Дедушка, – прошептала Настя, – зря ты не веришь, что от сырости завелся... ты поверь.

Глава 4

В плену у феи

– Чив-чив! Воробьи сказали, что вдоль ручья мы дойдем до Змеиного оврага. Оттуда иногда выползают ужи и гадюки, чтобы погреться на солнышке, но если другие жители леса, например мышки, в овраг из любопытства спускаются, то потом их никто больше не видит.

Тимофей зевнул во всю пасть – показывая, что такому здоровенному коту, как он, начхать на ужей и на этих... про кого там еще щегол рассказывал?

– Я воробьев спросил, можно ли овраг обойти. Они ответили, что не пробовали, поэтому точно сказать не могут.

– А если мы ручей перепрыгнем и пойдем, куда глаза глядят? – предложил Николай.

– Почему бы и нет? – согласился Тимофей.

– Я что-то, Тима, не понимаю, – зачирикал щегол, – сначала ты нас сюда привел, а теперь мы должны идти, куда глаза глядят!

– Мы не должны, но можем, – объяснил кот. – Теперь понимаешь?

Щегол задумался.

– Ладно, Чир, по дороге поймешь, – сказал Николай. Он перебрал рюкзак на другую сторону ручья. Потом спросил Тимофея, хочет ли он замочить лапки и усы или предпочитает немножко полетать. Кот, не колеблясь, выбрал воздушное путешествие, поэтому Николай отправил его вслед за рюкзаком. Ну и наконец, коротко пробежавшись, сам перепрыгнул через ручей.

– Интересно было наблюдать, – сказал щегол. – Так бурную реку перешли они, сапог не замочив. Чив-чив!

– Коля, у тебя, что ли, сапоги промокают?

– Нет, просто хотелось подурачиться, давно я не прыгал.

– Молодой ты еще мужик... когда лицо не опухшее. – Тимофей, кажется, хотел что-то добавить, но передумал.

Николай предложил ему снова идти впереди, хотя и так было ясно, что это единственно возможный вариант: при всей любви к человеку не смог бы кот идти рядом или сзади, тотчас бы свернул в сторону – не со зла, но из принципа.

Щегол занял наблюдательный пункт на кепке и рассказывал коту, где трава пониже и пореже. Однако лучше бы он этого не делал, так как Тимофей сразу поворачивал в другую сторону. Неудивительно, что трава вскоре уже была Николаю почти по пояс. Тимофей выбился из сил и начал ворчать на щегла, потому что тот теперь не видел, где травы было поменьше.

– Подними, наконец, свой ленивый хвост и полетай немного! – прошипел кот. – Коля, пожалуйста, потряси кепкой.

– Ох и злыдень ты бываешь, Тима! – ответил щегол, но все-таки взлетел. Сил он, похоже, накопил много и вскоре исчез в небесной лазури.

Николай улыбнулся.

– Хорошо, когда летать умеешь...

– Я понимаю, что для этого голова совсем легкой должна быть, но все-таки каждый раз он меня удивляет! Ясно же было, что надо лететь вперед, на разведку, а не вверх, где только пустота и ястребы! Уже жалею, что его попросил.

Однако через несколько минут щегол вернулся живым и невредимым. Он приземлился не на кепку, а на плечо Николая – вероятно, чтобы оба друга его видели, – и возбужденно зачирикал:

– Что я расскажу! Вы не поверите! Пусть лучше музы скажут: «И с высоты дворец небесной красоты поэт узрел – и обомлел!»

Щегол крутил головой, глядя на Николая и Тимофея, – те выглядели, как и он сам, обомлевшими.

* * *

Маленький дворец оказался сказочной, неопишуемой красоты. Балконы и окна были всю длину увешаны ящичками с розами, хризантемами, шафранами, бархатцами, но королевами цветов здесь были герани, которые иногда образовывали роскошные, многоцветные шары. На первом этаже к стенам дворца были кое-где прикреплены вазы, а потом цветочное царство спускалось в сад.

Главная дорожка и тропинки в саду были посыпаны золотисто-желтым гравием. Там и сям на невысоких цилиндрических постаментах, украшенных скульптурными орнаментами, стояли белые статуи животных, в том числе мифологических.

Все эти мраморные существа, задрав головы и, кажется, испуганно сжавшись, смотрели на величественную, тоже мраморную, крылатую женщину. В центре сада она стояла на массивном круглом пьедестале из серого гранита. Правую руку она простирала вперед и немного вниз, как бы приказывая животным покорно лечь. В левой руке держала... скипетр или просто какую-то палочку.

В саду было несколько крохотных прудов. Путешественники даже сначала приняли их за лужи, но там плескались разноцветные рыбки, а берега были облагорожены камнем. На одном берегу был устроен фонтанчик для питья.

– Вы оставайтесь пока за бугорком, – сказал кот. – Я пойду разузнаю, что да как.

– Не вздумай! – возмутился Чир. – Музам очень не понравится, если ты в Прекрасном саду рыбачить будешь!

– Ну и пусть они дуются! Все равно у нас сегодня на ужин будет уха – это так же верно, как то, что я – красавец кот по имени Тимоха!

– Мужики, подождите, – прошептал Николай. – Я, признаться, растерялся.

– Коля, только не говори, что ты разучился уху варить!

– Ну, нет, это нет.

– Прекратите разговоры о рыбном супе! Я не позволю в чудесной обители муз безобразничать!

– Чирок, сколько раз я угощал тебя рыбными потрошками? Клевал ты, за уши не оттащишь! А настоящая уха, которую мы с Колей варим, еще намного вкусней, один только запах от всех болезней излечивает. Я однажды лапку занозил, и она сильно болела, но тут Коля котелок открыл, чтобы уху помешать, – ну и все, больше лапка меня не беспокоила.

– Тима, ты не преувеличиваешь?

– Когда я тебе в серьезных делах врал?

Щегол нахохлился, размышляя.

– Если уха действительно такая целебная... но я должен спросить разрешения у милых принцесс!

– Чирок, успокойся. Думаешь, они рыбок считают?

– Надо, наверное, ноги уносить, – по-прежнему шепотом сказал Николай. – У крылатой бестии характер, похоже, еще тот, может и собак на нас спустить.

– Коля, не чую я, чтобы собаками воняло... хотя, конечно, никогда нельзя быть полностью уверенным.

– Как неприятно вас слушать! – опять возмутился щегол. – Собаки, воняло, бестии – мне стыдно за вас! Вы, пожалуйста, молчите, когда я буду с музами беседовать!

– Хорошо, Чирок, молчать будем. Даже если тебя ошипывать начнут, чтобы в суп бросить.

– Насчет супа ты, может быть, – Николай проглотил комок в горле, – точно сказал. Я вот думаю, кто все это построил и куда потом строители подевались?

– Чив-чив! – Щегол подпрыгивал, страшно волнуясь. – Коля, какой же ты недоверчивый, когда трезвый! Тут все по волшебству устроилось! Посмотрите – в руке у принцессы волшебная палочка!

Николай зло усмехнулся.

– Такие же мраморно-белые ручки открывали толстые книги законов и тыкали меня туда носом, когда я квартиру бандитам не отдавал... и если бы бандюганы меня на куски порезали, то белорукая красавица не отказалась бы пару кусков в суп бросить.

– Ведьма и разбойники! – зашипел кот.

– Ох, Тимоха, сколько нечистой силы развелось: взмахнут острой волшебной палочкой, почитают в магической книге справа налево – и все у них появляется, как бы из воздуха, по волшебству.

– Чив-чив! Коля, ты меня очень расстроил, я ужасно негодую и безгранично презираю ведьму и разбойников, но ты, пожалуйста, не путай их с милыми, прелестными музами!

– Успокойся, Чир, я не собираюсь крылатой женщине плохие слова говорить, но и знакомиться не хочу, ты уж извини.

– Конечно, – поддержал кот, – зачем мы будем из-за пары рыбок с ней знакомиться?

– Друзья, – грустно ответил щегол, – в таком случае я вынужден на некоторое время вас покинуть.

Тимофей и правая рука Николая одновременно метнулись к щеглу, однако тот взлетел на мгновение раньше.

Приземлившись на карнизе, Чир почистил перышки и тихо, деликатно постучал клювом в окно. Музы, похоже, не отличались тонким слухом, маленькому поэту пришлось преодолеть застенчивость и постучать посильней.

– София, – раздался в доме мелодичный, удивительно красивый голос, – посмотри, какого там идиота принесло?

Разумеется, идиотов в мире гораздо больше, чем поэтов, так что вопрос был вполне оправданным, и Чир решил не обижаться.

Юная, симпатичная девушка со шваброй в руках подошла к окну, но заметила Чира, только когда он приветливо прощелбетал:

– Здравствуйте, прекрасное дитя!

Девушка улыбнулась и чуть приоткрыла окно.

– Заходи, дружок, если пообещаешь вести себя прилично и никаких сюрпризов на коврах не оставлять!

– Благородство духа и манер свойственно всем поэтам! – уверил девушку Чир и учтиво поклонился.

– Пусть только Чиру что-нибудь плохое сделают! Я дверь исцарапаю и в фонтан напишу!

– Да, все, тогда конец ихнему дому и саду!

Вероятно, Чиру не понравилось бы слово «ихнему», однако Николай почему-то никогда не задумывался о том, как правильно говорить на родном языке.

Кипя от злости, друзья по-прежнему лежали за бугорком и пытались приободрить друг друга, хотя ясно было, что теперь уже ничего хорошего не жди.

– Ах, милая Софи, я вижу на перилах темное пятнышко – очень похоже, что не тронутое вашей тряпочкой!

– Голубчик, мог бы ты на минутку закрыть клювик или чирикать немножко потише, чтобы госпожа фея не слышала? – прошептала девушка, упрямо продолжая чистить ковровую дорожку на лестнице.

– Но как же пятнышко?

– Оно тебе привиделось.

– Нет, это был не мираж, не фата-моргана! Если ваши прекрасные ножки сделают два шага вверх, то я уверен, что снова увижу обойденный тряпочкой участок!

– Так я никогда не закончу воскресную уборку и не успею испечь торт на ужин! Вместо пышных крошек с масляным кремом тебе придется клевать черствый, очень старый сухарик. Кажется, у меня есть один такой, уже позеленевший.

– Надо его сейчас же выбросить!

– Я стараюсь ничего не выбрасывать – в хозяйстве все может пригодиться. И вообще, малыш, мое плечо устало тебя держать!

– Простите! – Чир перелетел на другое плечо девушки.

На втором этаже скрипнула дверь, и на лестничную площадку вышла крылатая женщина. Она удивленно и строго посмотрела на щегла.

– София, почему наш гость не в клетке?

– Он... госпожа фея, наш гость – поэт и композитор!

– Тем более! Ты уже забыла, что я тебе о них рассказывала?

– Нет, госпожа, но господин Чир такой маленький и добрый!

– Они все кажутся чудаковатыми и добрыми, однако для глупой крестьянской девушки нет никого опасней, чем странствующий трубадур! Если господин Чир не хочет в клетку, то, возможно, он предпочитает окаменеть? Он довольно пестрый, и статуэтка получится красивая, тебе даже не придется его подкрашивать, разве только края крыльев и, может быть, хвостик.

– Нет-нет, госпожа фея, разрешите мне принести клетку! Наш гость знает много веселых песенок!

– И грустных?

– О да! Он может петь очень жалобно и... и может печально молчать – все, что вы прикажете!

– Ну хорошо, София, неси клетку, но пошевеливайся – уже давно надо было уборку закончить!

* * *

– И в фонтан напишаю!

– Еще полчаса ждем, и конец им, все!

Нахохлившийся Чир сидел на кухне в клетке, подвешенной к потолку.

– Миленький, не обижайся, – прошептала София. – Я самую большую клетку выбрала. Раньше в ней жила ворона Варя.

– Потом ей надоело в клетке каркать, и она улетела на волю?

– Да... можно так сказать. Я ее поставила на скамейку в саду, рядом с сорокой Степанидой.

– У меня раньше тоже клетка была. Конечно, не с позолоченной проволокой и не такая большая, но мне нравилась. Часто ее вспоминаю. Я там кушал, ну и спал иногда: по рассеянности я мог не обратить внимания, что Коля уже брюки на стул бросил и с закрытыми глазами зевает, – значит, сейчас свет выключит, а в темноте у меня не было шансов мою любимую гардину найти. Приходилось устраиваться на жердочке. Случалось, я в моем домике прятался, если Тимофей был настроен порезвиться, а мне хотелось побеседовать с музами.

– Вот видишь, малыш, тебе не привыкать жить за проволочкой. Будь умницей и слушайся госпожу фею. Если она начнет на меня ворчать, прячься сразу за поилкой и не высовывай клювик, пока я не скажу, что уже можно. Даже если ты услышишь, что госпожа фея из кухни ушла, все равно сиди тихо – она может вернуться, чтобы еще поворчать.

– Милое дитя, не требуйте от меня невозможного! Смогу ли я сидеть с закрытым клювом, когда ведьма будет вас терзать?!

– Она не ведьма, не совсем... Нет, она строгая, но очень хорошая, а я неблагодарная!

– Софи, нежная птичка, позвольте мне спросить: где ваши родители?

– Не знаю, мы с бабушкой собирали хворост, и вдруг пришли волки... Потом я, видно, долго где-то была, но ничего не помню. Когда я очнулась, бабушка держала меня за руку. Мы стояли в глубоком снегу. Было очень холодно. Я боялась, что мы замерзнем, и тут увидела вдали маленький дворец. Я закричала от радости и хотела сказать бабушке, что теперь мы спасены, однако ее уже нигде не было.

– Бабушка, случайно, не Григорьевна?

– Да... да! Миленький, что с ней?

– Григорьевне хорошо, вокруг нее ангелы и добрые люди. Вот только шибко она переживает, что внучку к этой разна-ряженной злыдне привела, но куда же зимой-то было идти?

В столовой комнате требовательно, раздраженно зазвенел колокольчик. София вздрогнула.

– Девочка, не бойся, я тебя в обиду не дам! – Чир, все еще нахохлившийся, воинственно расправил крылья. – Пытали орла мелки птицы: «Кто гнезда спасет от куницы?» И так он ответил на это: «Бесстрашное сердце поэта!»

Клетку София поставила на обеденный стол. Фея пила кофе, держа чашечку только большим и указательным пальцем, – казалось, что чашечка вот-вот упадет, но пальцы у феи, похоже, были сильными. София стояла в двух шагах от стола, сложив руки на фартуке и ожидая приказаний.

– Значит, как ты сказал, на заказ петь не будешь? – Фея удивленно покачала головой. – А семечки ты клевал и водичку из моего колодца попил.

– Господин Чир скушал только несколько семечек, – робко вмешалась София.

– Это не имеет значения, неблагодарность налицо! – Фея строго посмотрела на девушку, и та опустила голову.

– Семечки мне насыпала прекрасная София. Откуда я мог знать, что они ваши?

– Ну вот, я тебе рассказала. – Фея улыбнулась. – Интересно, решил ты после ужина начать голодовку или все-таки будешь петь?

– Отворите темницу – и не надо мне ваших семечек!

– Какой ты шустрый пташек! Но много тут уже таких побывало, и всех я успокоила: стоят или сидят не шелохнувшись. Софи, принеси-ка мою волшебную палочку.

– Госпожа фея, можно я для вас спою? Пожалуйста, позвольте господину Чиру до завтрака еще подумать!

– Не сомневаюсь, что утром к завтраку у нашего гостя будет другое настроение, но как мы забудем его непослушание и неблагодарность?

– Госпожа, я буду долго петь и рассказывать, и мы потихоньку забудем. Хотите послушать песню про море синее, или сказку про аленький цветочек, или историю о благородном лыцаре?

– Софи, твоя необразованность и глупость иногда просто невыносимы!

– Да, – сказал Чир, – я вижу здесь одну невыносимую женщину!

Фея побледнела и поставила чашечку на блюдце.

– Ах, господин Чир! – София торопливо подошла к клетке и погрозили щеглу пальчиком. – Зачем вы обижаете крольчиху Катю? Она сейчас хоть и каменная, но все слышит!

- Чив-чив... – растерянно ответил щегол.
- Ничего не знаю! Немедленно извинитесь перед Катей!
- Ну, это, я ведь...
- Ничего не знаю!
- Да что ты к нему привязалась! – неожиданно заступилась за щегла фея. – Не хочет он перед какой-то длинноухой крольчихой извиняться, и правильно делает!
- Я, в общем-то...
- Ладно, не извиняйтесь, – согласилась София, – но теперь, пожалуйста, помолчите!
- Ух, какая ты строгая и злая! – усмехнулась одобрительно фея. – Не зря я тебя умуму учу.
- Прелестная София, вы с Катей меня неправильно поняли!
- Нет, господин Чир, мы с Катей вас очень хорошо поняли! Можете не сомневаться!
- Пожалуй, я расколдую крольчиху на полчаса, пусть они с поэтом хорошенько поругаются. Думаю, будет гораздо интересней, чем история о благородном... – И фея передразнила Софию: – Лыцаре!
- Госпожа, я принесу волшебную палочку?
- Только не усни по дороге, ты сегодня такая копуша! Поди, этот маленький хулиган тебя отвлекал?
- Нет, что вы! – проговорила девушка и выпорхнула из столовой.
- Да, – признался Чир, – я сидел на прекрасном плече, любовался изящной шейкой и все щебетал, чтобы услышать в ответ нежный голосок. А у бедной девочки было так много работы!
- Вот уж правда, – кивнула фея, – любоваться и щебетать вы умеете, а помочь никто не догадается.
- Пожалуйста, госпожа! – София уже вернулась и, улыбаясь, протянула фее волшебную палочку.
- Вздыхнув, фея взяла палочку и указала ею на статуэтку крольчихи, стоящую на столешнице серванта рядом с заварочным чайником.
- Ладно, сударыня, попрыгай немного. Только постарайся, чтобы я не скучала!
- В этот момент кто-то пнул порог дома и начал энергично стучать в дверь, раздалось громкое мяуканье:
- Коля, если не откроют – будем ломать!

Глаза Тимофея горели, пасть была широко раскрыта, к верхнему левому клыку паучок прикрепил паутинку и потихоньку спускался вниз.

По другую сторону порога стоял Николай, по-бычьему немного опустив голову. София вытирала белой тряпочкой пыль с его ресниц и злых, прищуренных глаз.

Из-за яблони выглянула крольчиха и напряженно втягивала носом воздух. Заметив ее, девушка прошептала – кажется, даже не прошептала, а только изобразила губами слова:

– Катя, не бойся, госпожа еще спит!

Крольчиха сделала два прыжка и остановилась, испуганно сжавшись. София прислушалась, ее рука с тряпочкой застыла, закрывая Николаю один глаз.

– Нет, Катя, это несчастный малыш бьет крылышками и трясет проволоку.

– Попали мужики крепко! – так же беззвучно прошептала крольчиха и посмотрела сочувственно на Тимофея и Николая: – Ну и зачем вас сюда принесло?

Мужики молчали, поэтому Катя ответила сама себе:

– Понимаю... что уж теперь спрашивать. Выкарабкиваться как-то надо.

– Я госпоже фее пожаловалась, что кто-то повадился масло таскать. Она поставила одну мышеловку в кладовке и одну на кухне, но вряд ли кого-то поймает, потому что мышек я у нас никогда не видела. Я буду все дундеть про масло и еще, наверное, про шоколад и марципан –

она ведь сластена. Придется ей все-таки котика расколдовать! – Девушка вытирала теперь лоб Николаю и ласково улыбалась ему. – Пожалуйста, не расстраивайтесь, с вами тоже все будет хорошо, только надо еще немножко постоять. Зимой у нас много снега выпадает, а кто будет дорожки в саду чистить?

– Тяжело стоять-то. – Катя покачала головой. – Ох как тяжело, уже через день ног под собой не чувствуешь, а упасть не можешь. Ну и скука смертная, и ужасно обидно!

София задумалась.

– В прошлом году госпожа фея заставила Михайло Потапыча и Хрюн Хрюныча делать этот... водапр... водапридет.

– Или водапрет... как-то так, но ведь у них вроде бы не получилось?

– Да, Катя, они канаву до колодца кое-как выкопали, а потом им удалось убежать. Я скажу госпоже, что наш маленький музыкант и его друзья ходят по деревням и спрашивают, кому водопрет нужен. Конечно, и к нам они пришли, чтобы его сделать, но не успели нас спросить.

– А смогут они водопрет смастерить?

– Катя, ну откуда ж я знаю!

Глава 5

Медовуха и караси в сметане

Николай угрюмо пробурчал:

– Мы насчет оплаты не совсем поняли. Что это значит – «потом можете уматывать»?

– Вам будет дарована воля! – радостно улыбаясь, объяснила София.

– Какие вы глупые водопроводчики, – удивилась фея. – Михайло и Хрюн мне вопросов не задавали.

– Почему же они вам водопровод не сделали?

– Ты... фея, – фыркнул кот, – если бы мы собирались при первой возможности удрать, то у нас бы тоже не было вопросов!

– Чив-чив! Заметьте, что никто не назвал вас глупой!

– Разумеется, пташек, когда ты дерзко чирикал, то сидел в клетке!

– Госпожа фея, разрешите мне принести кофе и пирожные, а для Тимофея Васильевича кусочек колбаски! – Глаза девушки сияли, она даже прикусила нижнюю губу.

– Софи, ты хочешь, чтобы я в моем рабочем кабинете с этими... водопроводчиками кофе пила?

– Нет, я... простите.

– Какая же ты неловкая и бестолковая! Сколько раз я тебя сегодня простила?

– Пять раз... или шесть.

– Да, где-то так, не считая подгоревшую булочку, которую ты, опустив повинную голову, в глубоком раскаянии хотела показать мне. Однако, по совету твоего друга-композитора, ты вытерла слезы, намазала булочку маслом, и вы вдвоем ее съели!

– Чив-чив! Мне, значит, не показалось, что сверчок выглядывал из-за кочерги! Презренный шпион! Я с ним разберусь!

– Сверчку я теперь не завидую, – сказал кот. – Чир любит, чтобы все было благородно, по справедливости. Лешего он однажды чуть не заклевал, тот в конце концов под корягу забился, но много у него еще снаружи оставалось и долго потом болело.

Щегол смущенно прощепетал:

– Прелестная София, не подумайте, пожалуйста, что мне нравятся драки и разборки!

– Миленький, я знаю, у тебя нежное сердечко!

Фея поморщилась.

– Хватит мяукать и чирикать, пора о деле поговорить. Значит, вы разбираетесь в водопроводах?

– Да, безусловно, – важно ответил Николай, – мы знаем, что это такое.

– Хоть и в лесу живем, – пробурчал кот, – но не здесь родились. Если тебе совсем коротко объяснить, есть труба с холодной водой и есть с горячей: холодную воду пьют, а возле горячей трубы греются. Соображаешь? Или еще раз, совсем медленно повторить?

– Так, подожди-ка, – разволновалась фея, – есть, значит, еще горячая вода?

– Тимофеем Васильевич... это как?

– Горячая вода находится в горячей трубе. Можно прислониться к ней спиной и хвостом или обнять ее лапой, лежа на стиральной машине, – это ваше личное дело, как хотите.

– Можно на трубе сидеть, – сказал Чир.

– Ну, не знаю, – возразил кот. – Я пробовал, мне было неудобно.

– Тимофеем Васильевич, а что такое стиральная машина?

– Ну, вы вообще...

– София, солнышко, там нет ничего сложного: Коля давит пальцем на волшебную кнопку, потом стучит по машине кулаком, пинает ее один или два раза, машина просыпается и начинает стирать, хоть и недовольно урчит.

– Миленький, неужели надо обязательно машину пинать? Может быть, если ее погла...

– Софи, не задавай глупых вопросов! – перебила фея. – Пташек, разумеется, стирающая машина и волшебная кнопка входят в комплект водопровода?

Чир задумался.

– Нет, – ответил Николай, глаза которого становились все более злыми, – не входят!

– Понимаю, – усмехнулась фея. – А если, допустим, три бутылки медовухи?

Наступила долгая, напряженная тишина. Чир грустно опустил голову.

– Софи, – сказала фея, чувствуя, что приближается решающий момент, – кажется, у нас есть еще маленькая бутылочка вишневки?

Девушка кивнула:

– Две литровые бутылочки.

– Какая ты все-таки... – Фея покачала головой.

– Нет! – Николай решительно вздохнул. – Со стиральной машиной не получается, мы не пьем... я хотел сказать, где мы ее в лесу купим? Трубы-то хоть у вас есть?

– Конечно, весной еще по дешевке купила – это у них называется «акция».

– Где? – растерянно спросил Николай.

– В лавке у болотных кикимор. – Фея насмешливо посмотрела на него. – Шучу, у компании «Южуралпродам».

Кот вдруг зашипел.

– Зна... комая фирма, – медленно сказал Николай.

Маленькая русалка, всхлипывая, прижималась к старшей подруге.

– Дядя Чир и дядя Тимофей были хорошими!

Леший показал глазами, что согласен. Говорить он не мог, потому что быстро жевал, рыбий хвост торчал у него изо рта.

– Зачем они ушли? Ну подумай, мы бы дядю Колю утопили!

Леший ответил глазами, что так уж получилось и теперь ничего не поделаешь.

– Не было у Николая жадности и злости, – сказала Цветочек. – Тяжело ему среди людей жилось, а мы его утопить хотели.

Настя протестующе всхлинула:

– И правильно хотели!

У лешего появилась довольно сложная мысль, которую он не мог выразить взглядом, поэтому он напрягся и прошамкал:

– Ну, кому что на роду написано.

– Мы с Настей людей топим, потому что они из того мира, где мы утонули, – если нам так предписано, то им, значит, тоже!

– Сестренка милая, – заплакала девочка, – мы никого не пропустим! Пусть они сами узнают, как водой захлебываться и отбиваться, а потом не дышать!

– Не хотеть дышать. – Старшая русалка обняла младшую обеими руками и наклонилась к ней, как будто хотела ее спрятать. – Настенька, маленькая моя, были среди твоих знакомых такие, кто ради щегла стал бы голову подставлять?

– Нет, таких глупеньких, как дядя Коля, не было!

– Слышал я, что шибко страшно это – живым окаменеть. Лучше бы он вам попался, – сказал леший, дожевывая карасика. – Девочки, вы мне трех обещали!

– Дедушка, ты уже третьего скушал!

– Правда? Настенька, вы дедушку не обманываете?

Цветочек как-то странно, прерывисто вздохнула и вдруг тоже заплакала, закрыв лицо руками.

– Ну что ты, – забормотал торопливо леший, – пусть три. Я же не спорю!

Засунув руки в карманы и хмуро шурясь, Николай медленно шел вдоль канавы.

На другой стороне семенил не менее серьезный Тимофей. Иногда он останавливался, что-то заметив или задумавшись, и его хвост нервно дергался.

София достала ведро воды из колодца, но, по-видимому, не хотела идти домой. Она улыбалась и хихикала, склонив голову. Композитор прыгал на плече девушки, игриво клевал ее в ушко и нежно щебетал:

– Чив-чив! «О, милая прелестница!» – примерно так я начну новую балладу. К сожалению, мне в голову приходит только рифма «лестница»... а впрочем, годится: «Окно открыла юная прелестница, и вниз летит веревочная лестница – ее поймал веселый трубадур, любимец ловкий деревенских ду... ку...» Нет, я обязательно найду другую рифму, добрую, полную волшебной музыки!

Смутившись, композитор дал девушке немного передохнуть, взглянул на товарищей и растерянно спросил:

– Зачем, собственно, мы пошли посмотреть длинную яму?

Николай вздохнул и не ответил.

– Трубу туда бросим, – проворчал кот. – А ты ори погромче, чтобы ведьма догадалась, какие мы водопроводчики! И еще расскажи ей стихотворение про веселого трубадура.

– Тима, ты что! – возмутился щегол. – Не буду я для ведьмы петь!

– Миленькие, – сказала София, – я не люблю, когда вы плохо говорите о госпоже фее!

– Да она просто... – Николай осекся, встретившись взглядом с девушкой. – Ладно, извини.

Кот поднял голову, прислушался.

– Похоже, злыд... госпожа фея уже надорвалась колокольчик трясти.

– Ах! – Девушка взяла ведро и направилась к дому.

– Не бойтесь, прелестное дитя! – Щегол на плече Софии грозно нахохлился. – Я с вами!

Николай, перепрыгнув через канаву, взял ведро у девушки. Они молча дошли до порога дома. Теперь им тоже было слышно, как на втором этаже звенит колокольчик. Николай поставил ведро на порог.

– Спасибо. – Девушка заметно дрожала.

Мужчина кивнул и вдруг с привычной ловкостью поймал щегла.

– София, все обойдется, а вот композитор может дочириться, пусть он лучше посидит у меня в кармане.

Когда дверь за девушкой закрылась, Николай немного разжал кулак, и оттуда раздалось гневное чириканье:

– Ненавижу сидеть у тебя в кармане!

– Согласен, там темно и скучно, но и ты пойми: не надо, чтобы ведьма от злости позеленела, она и так девчонку каждые пять минут пилит. Мы отсюда свалим, а Софии здесь жить, и за каждое наше глупое слово она потом слезами умоется – или нам по фигу, потому что мы веселые трубадуры, а все бабы дуры?

– Коля, сейчас я скажу, что уже раньше спокойно и обдуманно решил: девочку я с ведьмой не оставлю!

– Вот знал я, что ты это скажешь, потому что крутой ты парень и голова у тебя большая. Ну и в какой хрустальный дворец ты Софию приведешь?

– Я во сне с Пелагеей Григорьевной разговаривал и обещал, что мы ее внучку с собой возьмем. Девочка будет жить – в другом мире она все-таки успела на дерево забраться, а волки бабушку разорвали и ушли.

– Чир, ты не обижайся, но мало ли с кем мы во сне беседуем. Тебе даже днем музы что-нибудь шепчут. – Помедлив, Николай спросил: – А что я теперь в другом мире делаю?

– Не знаю. Мы ведь с Тимом мелкота лесная... Плохо тебе, Коля, так плохо, что дальше некуда, иначе зачем бы ты здесь оказался?

– Может быть, я просто заблудился?

– И нас встретил, и Софию, и вместо холма – замок феи увидел?

Николай поскреб затылок и прищурился еще больше.

– Госпожа фея, – сказал Николай, сидя на краешке стула в ее кабинете, – вы, пожалуйста, не подумайте, что я из вредности ищущу, к чему бы придраться. Трубы, в принципе, неплохие, хотя и б/у.

– Что за бэу? – Фея отложила гусиное перо, которым писала, и повернулась к Николаю.

– Ну, где-то по ним уже вода текла.

– Разумеется. Представитель фирмы сказал, что трубы они мне продают не абы какие, а хорошо проверенные. Зря я, что ли, по мешку грибов за метр платила?

– Трудно сказать, не зная, сколько стоит доставка, – уклончиво ответил Николай, – но я не советовал бы вам в следующий раз связываться с «Южуралпродам». В доме, где я живу, люди хотели купить дешевые непроверенные трубы, а получили проверенные и до сих пор не могут с этой компанией полностью расплатиться.

Фея улыбнулась.

– Сначала мне сладко пел один... менеджер – вроде бы так он себя называл. Я не без удовольствия слушала песенку и смотрела в маленькие глазки, которые говорили: «Как-нибудь все равно обманем!» Пришлось мне взять волшебную палочку, с тех пор у меня есть хитрый, но послушный сверчок.

– Вот как... Я скажу Чиру, чтобы больше не охотился на сверчка!

– Почему? Пусть. Вчера было весьма забавно.

– Нет, ну все-таки бывший человек!

Фея вновь улыбнулась. Кажется, она была в хорошем настроении, однако Николай беспокойно заерзал на стуле.

– Вы, значит, слышите, что глаза говорят?

– Ты сомневаешься? Твои, например, говорят: «Хочется, чтобы все по-честному устроилось, но там, конечно, видно будет». С моей точки зрения, на редкость благородная позиция. Правда, я пока не понимаю, зачем ты предо мной явился. Надеюсь, София для вашей бригады хорошо готовит?

– Да, спасибо.

– Думаю, что я ни при чем. София со своих пухленьких губок композитора кормит и поит, и чирикают они с утра до вечера, а вы – его друзья.

– Мы с Тимофеем видим, что от нас в данной ситуации вроде бы ничего не ждут, то есть, вернее, мы просто не должны мешать двум птичкам. В связи с этим мы могли все время...

– Свободное от посещения кухни, – уточнила фея.

– Хорошо, все свободное время мы могли выравнивать канаву и размышлять о водопроводе. Трубы нам, в общем-то, нравятся: с учетом того, что они серьезно проверены, выглядят неплохо. А ведь трубы – это основная часть водопровода. Значит, главное у нас уже есть, что радует и успокаивает.

– Так... – лицо феи помрачнело, – ты хочешь сказать, что к трубам еще что-то требуется?

– Вот это нам с Тимофеем и надо бы выяснить. Допустим, мы попросим вас приколдовать трубу к трубе...

– Подожди, они должны влюбиться друг в друга? Твердые, холодные, железные штуки... Мерзавец, ты все придумал, чтобы моя волшебная палочка сломалась! – Фея вскочила, опрокинув стул.

Николай спокойно посмотрел на нее, потом отвернулся к окну, давая время хозяйке замка прийти в себя. С упреком вздохнув, фея подняла стул и села.

– Твои глаза говорят, что вопрос был честный, но, как они теперь сами понимают, чрезвычайный глупый и опасный для всей вашей бригады.

– Все-таки я должен был спросить, была у нас слабая надежда... Получается, что нам нужны трубные муфты, всякое другое железо по мелочи и хорошо бы парочку разводных ключей. В крайнем случае обойдемся одним ключом, но будет тяжело.

– С моего позволения София в тяжелые дни будет подавать на стол карасей в сметане и сало, на ольховых дровах и вишневых листьях копченое, а для бригадира еще стаканчик медовухи.

Без малейшей дрожи в голосе, даже как-то весело Николай ответил:

– Медовуха у вас славная, но мне полстаканчика, наверное, хватит... в любом случае хватит.

– Правильно, мне тоже обычно хватает. Пером гусиным писать умеешь?

– Не пробовал, но, думаю, смогу.

Фея покачала головой.

– Уж больно ты самонадеянный. Если грамоте не учился, то хоть как перо крути – ни одного слова не напишешь. Вот что, пойдешь сейчас к Софии. Она два года в церковно-приходской школе училась. Расскажешь девчонке, что для водопровода надо, пусть она запишет. Только ничего не забудь, я не собираюсь каждый день в город летать!

– Это... – у бригадира водопроводчиков вдруг вспотели ладони, – может быть, я с вами полечу, чтоб уж точно ничего не забыть?

– Посмотри мне в глаза.

Николай снова повернул голову к окну.

– Обманут вас в «Южуралпродам». Я уже давно в такие конторы не хожу. Грибы я бы мог бабушкам предложить, которые на рынке торгуют, одного мешка хватило бы, а потом там же у мужиков я бы всякие железяки по дешевке купил. Хотите, теперь в глаза посмотрю?

– Не имею ничего против, хороший у тебя взгляд. Только боюсь я с тобой лететь. Не позволят тебе так легко отсюда выбраться, обязательно что-нибудь с ковром-самолетом случится. Да ты не грусти... Коля. Давай по полстаканчика?

– Я лапу снова приподнял, чтобы ты без натуги свистел, – сказал кот, – это твоя третья и, по всем правилам, последняя возможность сохранить свою жизнь... Коля, ты пока сходи за Чиром.

– Неправда, еще только вторая возможность! – запротестовал сверчок.

– Не люблю спорить, пусть вторая, но все равно последняя. Лапа потихоньку опускается, а когда в следующий раз поднимется, ты увидишь Чира во всей его красе. Тут уже извини, даже если мы с Колей сильно захотим тебя спасти, то никак не сможем. Ты же Чира знаешь.

– Ой, больно! Не надо лапку опускать! Если у меня последняя возможность, я, конечно, постараюсь ответить на ваши вопросы.

– Не дури, мальй. Мы уже спрашивали.

– Да, вспомнил! А Коля не ушел?

– Нет, сидит на табуретке. Слышишь, скрипнула? Но ведь ты понимаешь – вполне вероятно, что Чир и сам на кухню прилетит. Например, София попросит его взглянуть, не подо-

шло ли тесто. Обидно будет, если из-за какого-то теста для пирожков с капустой... фу! Какую гадость люди иногда едят!

– Тимофей Васильевич, чувствую, что под давлением вашей лапки и быстротекущего времени я не смогу правдоподобно сочинять, поэтому вынужден ответить прямо: дорогу я не запомнил! Я был уже маленьким сверчком, летели мы ужасно высоко – луна и звезды были совсем рядом! От страха мое сердце порой останавливалось, но потом, тоже от страха, бешено колотилось, особенно я боялся посмотреть вниз. Только помню, что однажды мимо нас пролетела на метле красивая девушка, – если не ошибаюсь, из «Урало-европейского банка». Это все, что я способен честно рассказать о тогдашнем путешествии.

Вдруг раздалось бодрое:

– Чив-чив! Софочка интересуется, как там наше тосточко!

Прижав сверчка лапой, кот прошипел:

– Ладно, сиди тихо. Потом отпущу.

– Тима, ты что-то сказал?

– Нет, поди, музы тебе шепчут.

– Впервые их голос я спутал с твоим ворчливым и сладким мяуканьем, Тим!

На минуту музы перестали шептать Чиру, и он прощелбетал:

– У меня кружится голова, я так счастлив!

Потом вновь задрал клювик вверх:

– Мечтаю, милые друзья, – о да! – Остаться в замке феи навсегда!

День был по-осеннему пасмурным, ветер разогнал тучи, но все-таки накрапывал дождь. Водопроводчики отдыхали в ожидании обеда.

– Не бойся, Коля, ну как может железная труба замерзнуть? – благодушно промурлыкал кот. – Я никогда не слышал, чтобы у нас дома или на улице какая-нибудь труба пожаловалась, что ей холодно.

– Чив-чив! В метафорическом смысле, Тима, все может замерзнуть!

– В ме... в каком смысле?

– В поэтическом, если это тебе понятней.

– Закрой клюв. Здесь серьезный разговор идет.

– Ты умеешь громко мяукать и умный вид делать, но предел твоей фантазии – караси в сметане! А мы с Колей понимаем, что трубе под землей и снегом будет темно, холодно и одиноко!

Николай, сидевший на краю канавы, снял кепку, вдруг подбросил ее высоко, до верхушек деревьев, и поймал одной рукой. Потом грустно посмотрел на товарищей:

– Мужики, не знаю, что дальше делать!

– Коля... я, наверное, в лесу полетаю, попробую Михайло и Хрюна найти. Возможно, они что-то посоветуют.

– Вряд ли, они водопроводчики еще получше нас, хотя куда уж лучше. Не с кем нам здесь посоветоваться.

– Нет, Коля, ты не прав, – возразил кот. – Они большие звери, матерые. Наверняка скажут: «Чирок, передай своим друзьям: ноги надо делать!»

– Не хочу так, я всегда честно работал.

– Вот и доработался, что сидишь теперь на краю канавы фиг знает где.

– Коля, поверь мне, как поэту и композитору: не имеет никакого значения, куда мы попали. Главное, чтобы в душе был восторг... Если тебя не затруднит, я хотел бы нашу кепку снова высоко-высоко увидеть!

– Хорошо, специально для тебя повторяю.

На этот раз щегол был готов и с яростным чириканьем набросился на взлетевшую мишень. Когда она падала, Тимофей на мгновение опередил руку Николая и, схватив кепку, утащил ее вместе с запутавшимся в ней Чиром.

Друзья развлекались, пока София не открыла окно. Девушка держала сковороду, немного наклонив ее, чтобы водопроводчики видели зажарившихся карасей.

– Ну и как тут ноги сделаешь! – проворчал кот.

Услышал его только Николай, потому что щегол уже прыгал нетерпеливо на плече смеющейся Софии, пытаясь с ней поцеловаться.

На втором этаже тоже распахнулось окно. Фея опиралась ладонями на подоконник, но все-таки ее заметно пошатывало. Встретившись взглядом с Николаем, она широко улыбнулась.

Бригадир водопроводчиков растерянно заморгал.

– Да, милые девоньки, прямо-таки сияла она! – сказал леший. – Поставила на подоконник бутылочку медовухи и еще покрутила ее, чтобы у Коли совсем голова закружилась. А вторая красавица показывала ему большую сковороду, полную жареных карасей!.. Тут моя шея вытянулась как могла, больная ножка подвернулась, и покатился я вниз!

Леший откинул голову назад и почему-то тяжело задыхался. Помедлив, старшая русалка спросила:

– К кому он пошел?

– Подожди, Цветочек, не перебивай! Я сейчас рассказываю, как я на небо смотрел и дышал. Обидно и больно мне было! Но что делать-то? Я ножку потер, хорошенько потер... Настенька, ты намеков не понимаешь, полечи дедушку! Да, здесь и возле коленки.

Ну, пополз я опять наверх, но уже ничего не увидел – ни медовуху, ни карасей! У меня такое предположение: кот и щегол уговорили человека пойти к той, которая помоложе. Через некоторое время Николаша и Чир, наверное, к фее поднялись. Тимоша, скорее всего, остался сковородку вылизывать. Вот так они устроились, а мы тут за них переживаем!

Глава 6

На острове русалок

Его бросило в жар, он на секунду закрыл глаза и снова открыл. На экране ничего не изменилось:

Вы были в «Супержизни» 22 часа 17 минут

Оплачено: 2 минуты.

Кредитная линия в «Государственном обязательном банке»

Ваши биологические и синтетические органы: 7 часов 15 минут.

Биологические органы Вашего несовершеннолетнего ребенка: 9 часов 36 минут.

Ваша двуспальная ячейка в Городе: 5 часов 24 минуты.

Для продолжения пребывания в «Супержизни» Вам необходимо продлить кредитную линию. Наши специалисты охотно Вам помогут. Существует ли вероятность, что у Вас могут быть неизвестные Вам дети? Имеются ли у Вас финансовые претензии в отношении бывшей жены или они могли бы быть предъявлены с помощью юридической службы ЗАО «Супержизнь»? Есть ли основания предполагать...

Роберт вновь закрыл глаза. Нет, он был в «Супержизни» две минуты, только две ми... Внезапно он понял, что был там много часов, – сильно хотелось пить. «Но ведь у меня включен ограничитель! Почему он не сработал?! Я не виноват! Не виноват! Я всегда жил по средствам, не брал кредиты...»

Раздались какие-то странные звуки. Роберт напрягся и не сразу догадался, что это смеется его пятилетняя дочь. Девочка со шлемом на голове сидела в своей кровати, водя пальчиком по экрану мыслевизора.

Роберт сжал кулаки. «Что я наделал! Они убьют Ингу! Твари! Твари! Возьмите меня, но при чем здесь ребенок! Я ничего не могу, даже нельзя быть невежливым с этими зверями, иначе нас накажут – не меня одного, Ингу тоже будут разбирать на органы без наркоза. Какой же я урод, негодяй!»

Он осторожно снял шлем с головы дочери и прижал ее к себе.

– Папа, папа, – нежно запротестовала она, – я хочу досмотреть!

Его глаза затуманились, как у пьяного, взгляд метался от одного предмета к другому. Две кровати, в одном шаге от них платяной шкаф, за ним сантехническая кабинка. У него не было вещей, которые что-то стоили на ярмарках в Сети: если бы он захотел от чего-то избавиться, то еще пришлось бы платить за экологически чистую утилизацию. Особенно дорогим было уничтожение бывших в употреблении мыслевизоров, которые называли электронными останками покойников.

Куда бежать? Закрытые спальные ячейки, между ними узкие, прямые коридоры, уходящие в бесконечность, но оснащенные сканерами. Преступников, не желающих платить долг, без труда найдут и тогда уж накажут по всей строгости закона – максимально медленным изъятием органов.

Каждое утро огромный лифт уносил Роберта вместе с соседями на нижний уровень. Все молчали, опустив голову, потому что опытные адвокаты любое слово или взгляд могли бы истолковать как намеренное оскорбление, посягательство на безграничную свободу гражданина или даже как нарушение общественного спокойствия.

На заводе молчание продолжалось, тем более что конвейер требовал постоянного, пристального внимания. Роберт прилежно следовал инструкциям, увольняли его редко и всегда с мягкой формулировкой «ошибка, обусловленная человеческой природой», поэтому обычно в течение суток он получал работу на другом конвейере.

Роберт не пил спиртного и не курил, раз в месяц он позволял себе две минуты в «Супер-жизни», заранее оплатив перемещение своего сознания в чудесный мир и включив темпоральную блокировку. Он постепенно выкупил комнату и не понимал людей, которые до смерти платят аренду и ничего не могут оставить детям. Он был уверен в будущем: его пенсии хватит для скромной, достойной жизни, он будет лежать или сидеть в койке, наслаждаясь честно заработанным покоем.

Теперь это все не имело значения.

В дверь постучали. «Правда, что никогда не звонят...» Поцеловав дочь, Роберт встал.

«Сопротивляться нельзя... нельзя... нельзя...»

Проходя мимо полки со столовыми приборами, он взял нож...

Что случилось потом? Его знобило, как будто при температуре. Нет, он вспомнил это редкое слово – «холодно», словно ему было холодно.

С его глазами или мозгом что-то происходило, ведь не могло быть реальностью то, что он видел: предметы или здания невероятных, диких форм – ни одного круга или прямоугольника – и почему-то все было окрашено в разные цвета. Такие уродливые, нерациональные формы могли быть только у людей и... у сказочных существ, которых сочинители называют животными и деревьями.

– Инга! Доча! Инга!

По его лицу прошел воздух – значит, была быстро распахнута дверь. Не веря глазам, Роберт протянул руку вперед, потом в сторону, но не нащупал двери. Окружавшие его предметы зашуршали... нет, он вспомнил еще одно редкое слово – «зашелестели». Он опять позвал дочь. Ему страшно было представить, что она где-то там, среди шелестящих чудовищ.

Кто-то грустно вздохнул:

– Дядя Роберт, ну сколько можно кричать?

Он вздрогнул и увидел сбоку от себя девочку, немного постарше Инги.

– Меня зовут Настей.

– Натей... – растерянно повторил за ней Роберт.

Подумав, девочка сказала:

– Мне уже давно не два года, и родного дяди у меня нет, а ты чужой дяденька. Лучше говори «Нас-тя» – только как одно слово.

Роберт кивнул.

– Милая. – Он все-таки не решился назвать девочку по имени. – Я ищу дочку... ей пять лет.

– Зачем?

– Прости, я тебя не понимаю.

– Зачем ты ее ищешь? Почему она убежала? Ты был пьяным и напугал девочку? – Настя тяжело задышала. – Ты ее ударил? Она не твоя дочка, ты живешь с ее мамой?

Вопросов было слишком много, и Роберт, подумав, сказал главное:

– Мы с Ингой должны были умереть... по моей вине.

За нами пришли Служители Справедливости, потом я вдруг оказался здесь.

– Ты проиграл нас в карты?

– Нет, это было бы не так страшно. Я путешествовал в прекрасном виртуальном мире и забыл включить ограничитель времени... или включил, но он почему-то не сработал.

– Дядя Роберт, ты водку каждый день пьешь?

– Я не пью, и очень жаль! Лучше бы я сидел с другими опустившимися людьми в Пьяном подвале, чем лазил в «Супержизнь»!

– Ты обманываешь, все дяденьки любят водку!

– Один раз мне пришлось ее попробовать... на свадьбе, но было противно, и все потом было противно.

– Меня тоже один раз заставили попробовать. Ладно, как говорила моя тетя, это в корне меняет наши планы. Тогда не будем рассказывать Цветочку, что тебе компьютер больше водки нравится.

– Мыслевизоры здесь запрещены?

– Дядя Роберт, ты делай, что я говорю, потому что я теперь твоя провожатая. Я об этом не мечтала, но мне сказали: мол, кто тебя, маленькая коза, спрашивает, хочешь ты или нет?

– Девочка, что такое «коза»?

– Ну, вообще-то, я про козу придумала, но смысл был примерно такой. Дядя Роберт, попозже я отвечу как смогу на все твои вопросы, а сейчас скажи, пожалуйста: вон те два коз... два высоких дяденьки – они, случайно, не Служители Справедливости?

Шагах в тридцати от Роберта и девочки стояли крепкие молодые мужчины в черной блестящей форме, рукава были закатаны до локтей.

Молча, но с открытым ртом Служители Справедливости смотрели друг на друга и на странное существо перед ними: существо стояло на четвереньках или у него было четыре ноги, вытянутая вперед морда была с огромными острыми зубами.

– Повторяю, – сказал зубастый, – я волк по имени Вова. Ваши имена и прозвища мне известны. В связи с тем, что иногда нам придется действовать и говорить быстро, я твердо решил ваши длинные имена забыть. Кроме того, я слегка изменил ваши прозвища, чтобы враги не догадались, с кем они имеют дело. Отныне вы – Перт и Друс... нет, какие-то бессмысленные слова получились, лучше – Пэр и Брус.

У меня есть два обязательных условия. Тебя, Пэр, я очень прошу: не забывай, что нам надо и хочется дышать, в крайнем случае из уважения к товарищам отбеги в сторонку и повернись к нам лицом. А ты, Брус, будь все-таки немного посмелей, рядом со мной тебя никто не обидит.

Пока закройте рот и подумайте. Потом объясните мне, что я, по вашему мнению, могу для вас сделать.

Хмурый Вова и Служители Справедливости, у которых рты упрямо не закрывались, стояли на берегу озера.

В полусотне метров от них на маленьком острове расположилась другая троица. Настя что-то старательно жевала, потом выплевывала кашицу себе на ладонь и приказывала Роберту есть. Он слушался и даже облизывал ладонь, но выражение лица у него было таким же, как у Служителей Справедливости. Цветочек смотрела на всех с явным удовольствием, одобрительно улыбалась и, кажется, порой хотела захлопать в ладоши, однако сдерживала себя, потому что все же она была не в цирке.

– Вова, – сказал Брус, – мы желаем, чтобы ты перебрался через много воды и пригнал к нам преступника.

– Запомните, – зарычал волк, – если вы заметите русалок или хотя бы подозреваете, что они где-то поблизости, то не надо соваться в озеро... во много воды.

– Мы не суемся, – возразил простодушно Пэр, – мы тебя попросили.

Волк долго косился на него, но ничего не сказал. Пэр почему-то так же косо смотрел на деревья, вид у него был обиженный.

Брус ехидно усмехнулся:

– Вова, я хочу тебе посоветовать: просто не обращай внимания, когда кто-нибудь будет говорить, что ты самый ленивый и позорный трус, если не считать Пэра!

– Я-то тут при чем?! – возмутился второй Служитель Справедливости. – Тебе побольше моего платят, вот и бегай сам через много воды!

– Естественно, я, как ефрейтор, зарабатываю больше. А тебя, салага, дали мне в напарники не для того, чтобы ты спокойно или удивленно наблюдал, как я бегаю с высунутым языком!

– Молчать! – зарычал волк. – Хорошо, теперь ты, ефрейтор, говори, но не забывай, что у меня длинные, острые зубы, которые уже нетерпеливо шелкают.

После довольно продолжительного молчания волк сказал:

– У меня это... старые, тупые зубы, которые только шелкать умеют.

– Вова, если бы у нас были ручные пушки, то мы бы давно пристрелили преступника и его укрывательниц.

– Не уверен, русалки на редкость хитрые, проворные бестии. Вы их в деле не видели. Я один раз имел такую возможность... – волк поежился, – даже сейчас мороз по коже!

– А я уверен...

– Брус, мне сильно не нравится, как ты на меня смотришь!

– Вова, давай будем мыслить логически: мы тебя не знали – пушки у нас были, мы с тобой познакомились – они исчезли.

– ...балбесы! – Волк сказал это слово после нескольких других, которые Служителям Справедливости были непонятны.

– Мы с Брусом не учили иностранных языков, – признался Пэр с присущей ему непосредственностью.

– У тех, кто в нашем лесу не по своей воле появляется, оружия нет. Можете, конечно, подобрать увесистые дубинки, но, как вы понимаете, таскать их буду не я.

– Вова, почему ты не хочешь носить наши дубинки?

– Пэр, я не смогу тебе это объяснить понятными словами, да и ни к чему нам оружие. На суше мы легко справимся с русалками и недотепой, а во много воды... тьфу, в озере дубинки бесполезны. Кстати, я вот подумал: вероятно, того мужика с круглыми глазами, которого Настя пытается накормить, я зря называю недотепой. Вы же к нему вдвоем пришли, и с пушками, но ему как-то удалось вас сюда отправить.

– Действительно! – воскликнул Брус. – Преступнику должна быть известна дорога из города! Я приведу в наручниках одного из самых опасных мятежников, и мне сразу дадут еще две лычки или, кто знает, не исключено, что даже...

– А мне? – спросил Пэр.

– Тебе-то за что?

– Как? Нет, давай разберемся!

– Не по делу спорите, – проворчал волк. – Никто не помнит свои последние мгновенья в другом мире и дорогу в лес. Я тоже не помню... С братьями и друзьями я осторожно забрался в овчарню, но дальше по-тихому не получилось – блеяние началось, дворняга с поджатым хвостом все-таки вылезла из конуры и затыкала. Вдруг дверь распахнулась, и с вилами в руках к нам залетел растрепанный крестьянин, у которого один глаз был слипшимся, но другой уже открылся и смотрел с бешеной яростью. Потом еще два пацана прибежали, и старик приковылял – особенно мне запомнилась берданка в его трясущихся руках. Думаю, если бы они не так сильно тряслись, то был бы я уже где-то навсегда пристроенный. Вместо того чтобы... – Волк вздохнул и грустно посмотрел на Служителей Справедливости.

– Роберт, – Цветочек улыбнулась, – мне приятно смотреть, как ты облизываешь Настину ладошку, в которую, однако, уже давненько ничего не падает. Настя не решается тебе сказать, что обед закончился, но, к сожалению, это так. Мог бы ты теперь отвернуться?

– Наверное, могу, но почему человек у вас должен отворачиваться, когда все съел?

Роберту не ответили. Поднявшись, Настя положила руки ему на плечи. Под ее мягким давлением он покорно развернулся на пятой точке и напряженно рассматривал открывшуюся перед ним панораму.

Несомненно, его повернули, чтобы что-то показать, но что именно? Все живые существа, которых он увидел, были до невозможности диковинными, впрочем, как и неживые или предположительно неживые части картины. Маленькие, симпатичные игрушки на батарейках перелетали с одного дерева на другое, исполняя эти... суперхиты на иностранных языках. Причем без рекламных пауз.

«Значит, я еще как-то включил фантастически дорогую музыкальную программу с антирекламным фильмом. Ну и пусть, все равно у нас с дочкой больше ничего нет!.. Доченька моя, Инга, где ты?»

Настя, стоявшая за спиной Роберта, тонкими пальчиками вытирала ему слезы. Он взял ее руки в свои и долго не отпускал. Девочка заметно напряглась, но не вырывалась и после некоторого раздумья поцеловала его в макушку.

Потом оглянулась на старшую подругу, но та пожалала плечами, потому что ей было некогда: Цветочек расчесывала свои крупные, роскошные кудри – разумеется, по всем правилам искусства оболъщения смертных. Она глубоко вздыхала, потягивалась, вставала на колени, отбрасывала голову назад...

Брус и Пэр поначалу наблюдали за ней равнодушно – по-видимому, она не соответствовала их представлениям о женской красоте. Однако представления, убеждения имеют свойство изменяться с течением времени, поэтому через две или три минуты у Служителей Справедливости шеи начали вытягиваться вперед.

Волк тихо заурчал, но на него не обратили внимания: уже было понятно, что он любит поворчать, и не обязательно каждый раз прислушиваться к его урчанию. Тем более что события на острове становились все более захватывающими.

Цветочек вдруг решила искупаться. Зачем же она так долго и старательно расчесывалась? Самый примитивный мозг во включенном состоянии начал бы кричать, что русалка ведет себя чрезвычайно подозрительно, однако Брус и Пэр мелкими шажками семенили к острову и были уже по колено в воде, хотя волк теперь рычал изо всех сил.

К счастью для Служителей Справедливости, характер у волка Вовы был не только ворчливый, но и решительный. Вскоре раздались дикие вопли Бруса и Пэра, и даже на другом берегу озера маленькие лесные жители спрятались в гнездах и норках, прижимая к себе крыльями и лапками глупых, любопытных детенышей.

Роберт испуганно посмотрел на свои окровавленные пальцы.

– Это от малины, – сказала Настя. – Посмотри, у меня обе руки красные!

– Настенька, у тебя рот и одна щека тоже красные.

– Кто бы говорил! – заулыбалась девочка. – Знаешь, как потом смешно в ручье на себя смотреть! Мы с Цветочком всегда ухохатываемся, а втроем нам еще веселей будет!

– Не шевели плечом. – Старшая русалка на коленях придвинулась к Роберту. – Сейчас мы этого наглого комара... бац!

– Вы... его убили?

Подумав, Цветочек ответила:

– Нет, конечно, за кого ты меня принимаешь? Он только размазлся и уснул, а вечером проснется и опять прилетит тебя кусать. Так что смело можешь по комарам хлопать – этим ты им не навредишь.

– Вы такие добрые! У вас мягкие руки и нежные глаза. – Роберт застенчиво улыбнулся. Обе русалки, опустив голову, полезли на четвереньках вглубь малинника. – Простите, я понимаю, что уже многие это говорили и вам надоело. Я бы с радостью у вас остался, потому что здесь еще полно малины... то есть я имел в виду...

– Конечно, дядя Роберт, – сказала Настя, не оборачиваясь, – ты долго у нас будешь. Такие дела быстро не делаются: человек получает достаточно времени, чтобы все обдумать.

– Дорогая, милая девочка, я должен идти, я ищу дочку!

Русалки вернулись к Роберту, и каждая протянула ему ладонь с ягодами.

– Только, чур, мою не облизывать! – потребовала Цветочек.

Роберт взглянул на маленькую русалку.

– Без проблем, – ответила она, – мою можно.

– Мы не забыли, что ты ищешь дочку, но ты пойми, не следует нам так глупо рисковать – через лес идти, пока мы Служителей Справедливости не уто... не уговорили тебя в покое оставить.

– Нет, это бесполезно, у вас не получится! Они даже слушать не будут.

– Что ты, – возразила Цветочек, – не может такого быть, чтоб не уговорили.

Настя кивнула:

– Обязательно уговорим!

– Хватит скулить! Подумаешь, я вас слегка цапнул за мягкое место! Даже не уверен, что штаны вам прокусил, – практически как ущипнул!

– Неправда! – всхлипнул Брус. – У меня штаны порваны! А вот у Пэра целые!

– Я вас одинаково кусал – просто ему немного повезло, но тебе в чем-то другом повезет. Среди товарищей не должно быть зависти.

– Зато он теперь штаны стирает!

– Разумеется, у каждого свои проблемы. У меня вообще штанов никогда не было, но не могу сказать, что моя жизнь была беззаботной.

– В этом большом зале без штанов холодно! – захныкал Пэр. – Почему ты не добавишь пару градусов на климатизаторе?

– Вова получает грошовую пенсию и живет в социальной коммуналке, – ехидно предположил ефрейтор, – здесь климатизатор не регулируется!

– Да, примерно так, – согласился волк. – Если бывает холодно, то приходится терпеть. К сожалению, Пэр, что-то другое я тебе посоветовать не могу.

– Тупое правительство! – Теперь Пэр хныкал возмущенно. – От пенсионеров надо сразу избавляться!

– Это уже в крайнем случае, когда кто-то на пенсию прорвется, – возразил Брус, – а начинать надо с инвалидов и старых безработных!

Волк грустно смотрел на Служителей Справедливости.

– Наконец-то я сообразил, почему меня к вам провожатым послали, я ведь тоже как бы санитар природы. Правда, я думал... но себя, конечно, со стороны не видишь. Ладно, расскажите о преступнике, чтобы я знал, как к нему лучше подобраться.

– Да что о нем рассказывать, – сквозь слезы захихикал Пэр, – восьмой параграф!

– Я ведь стараюсь с тобой без этих... иностранных слов говорить, ты мне тоже понятно объясни.

Подумав, Пэр сказал:

– Спроси ефрейтора, ему больше платят!

– Потому что я учился и экзамен сдавал! – Брус приосанился. – Господин майор, разрешите... ну да, это не надо. Итак: «Параграф номер восемь точка объект в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет запятая работает на конвейере запятая спальную ячейку выкупил запятая органы стареют и обесцениваются точка предварительное мероприятие двоеточие на мыслевизор посылается вирус для отключения темпорального блокиратора при использовании дорогостоящих программ точка». Вот так, дед, понял?

– Главное понял, но я не дед, а волчара в расцвете сил.

– Сомневаюсь. – Брус усмехнулся. – Уж больно ты ворчливый!

Пэр тоже насмешливо заулыбался.

– Экономись на всем – ни штанов у тебя, ни отопления!

– Хорошо, скальте зубы. Рад, что вы повеселели. Есть у вас предложения, как поймать преступника?

– Пусть ефрейтор думает. – Настроение у Пэра улучшалось прямо на глазах. – А я пока отдохну!

– После обеда подумаю, – ответил Брус беззлобно. Вероятно, он привык к тому, что это его обязанность. – Вова, ты бы показал нам столовую Государственных Служащих. Вполне может быть, что мы тебя отблагодарим: я не любитель колбасы, и, если Пэр мою не слопаёт, я отдам тебе всю розовую таблетку.

– Будем столоваться, где повезет. Я, пожалуй, пойду разомнусь – тут вроде бы зайчиком пахнет. Чую, что молодой он и глупый, так что можете уже костерком заняться.

– Вова, объясни ефрейтору, что ты имеешь в виду, он займется.

Волк, отправившийся было на охоту, вернулся.

– Пэр, я удивляюсь, за что тебе Брус колбасу даёт?

– Понимаешь, Вова, я уже двоих напарников пристрелил, потому что, когда мне страшно, я глаза закрываю, а отстреливаться по уставу должен. Компамозг внутренних расследований в обоих случаях мне поверил, а люди почему-то не верят и стараются меня не злить.

– Вот оно что... как бы Брус не благодаря тебе здесь оказался.

– Будучи честным Служителем Справедливости, должен признаться, что ничего не помню.

– А Брус, когда стало немного погорячей, мудро решил: с недотепой-преступником он и один справится, главное – как можно быстрее выключить напарника. Похоже, вы действовали быстро и одновременно. Да, рядом с вами я опять среди своих.

– Я умираю? – прошептал Роберт. Он скорчился на траве, зажав руками живот.

– Ты хороший дяденька. – Настя погладила его по голове. – Ты просто чуть-чуть объелся... это все Цветочек виновата! Она говорила: «Не мешай ему, не перебивай аппетит!»

– Уф, ох, уф... – отдувался Роберт. – И как я буду дальше жить?

– Цветочек со мной спорила. Она хочет, чтобы малина и раки в тебе остались, – мол, тогда они потихоньку успокоятся и в следующий раз вообще бунтовать не будут. А я считаю, что они не успокоятся, пока их не выпустить. Если мы с Цветочком не можем убедить друг друга, то договариваемся, что ничего не делаем, и пусть будет, как получится.

– А где Цветочек?

– Поплыла к скале за родниковой водичкой и хочет с горными жителями поболтать. Возможно, кто-то твою дочку видел или что-нибудь о ней слышал.

– Горные жители – хорошие люди?

– Они лучше людей – водку не пьют и деточек своих любят. Примерно такие, как ты, только хитрые, потому что простые по характеру жители рано или поздно попадают к дяде волку или тете сове.

– Ух, уф... – опять с минуту кряхтел Роберт.

Настя вздыхала, не зная, как ему помочь. Она ласково подергала его за ухо, пощекотала под подбородком, помассировала нос. Каждый раз, когда она меняла тактику, Роберту вроде бы ненадолго становилось легче, и он замолкал – возможно, от удивления.

– Дядя Роберт, я нашла у тебя седые волосы. Давай я их выдерну?

– Зачем?

– Ты ведь молодой, тебе такие волосы не нужны.

– Добрая девочка, не жалея меня! Я страшный человек, я убил Ингу, теперь убиваю тебя и Цветочка – вас накажут за укрывательство преступника!

– Потому что на экране компьютера всякую ерунду написали, а дядя волк и Служители Справедливости за тобой охотятся? Все горные жители тебе скажут, что дядя волк нехороший и никогда не надо делать то, что он хочет. А компьютеров в нашем лесу вообще нет, можешь про них забыть.

– Но как вы живете без мыслевизоров?

– Ну, живем, иногда очень даже весело. Кстати, если я правильно понимаю, что такое мыслевизор, то вроде бы неподалеку от ведьминой избушки есть один такой широкоформатный. У нас он называется чудо-юдо. Мы его, пожалуй, разок для тебя включим.

– Милая Нас... – Роберт онемел, увидев выходящую из воды русалку.

– Когда я уплывала, ты лежал на другом боку, – сказала она, смущенно улыбнувшись и быстро одеваясь.

– Вовремя ты нарисовалась, а то дядя Роберт уже собрался умирать или сдаваться. – Настя наклонилась к уху своего подопечного и прошептала: – Видишь, какие женщины красивые! Запросто можно влюбиться, только на Цветочка не надо большими глазами смотреть, она по другому дяденьке тоскует... а впрочем, если ты скажешь, что без Цветочка никак, то я дядю Колю все-таки... уговорю.

– Чтоб я больше не слышала такого слова – «сдаваться»! – строго сказала старшая русалка.

– Вот именно! – поддержала Настя.

– Вова, мы тоже хотим кушать! – сказал Пэр.

– А кто вам не дает? – удивился волк. – Присоединяйтесь.

– Но ты на нас рычал!

– Ну и что? Никого же не укусил. А молча я не могу есть, у меня кусок в горло не ползет. Служители Справедливости растерянно переглянулись.

– Между прочим, – вспомнил волк, – почему вы костерок не разожгли?

Брус пожал плечами:

– Да я как-то... а Пэр не захотел помогать.

– Да, конечно, надо вам постепенно отвыкать от жареного. Значит так, я беру зайца посередине. Ты, Брус, раскрой пасть пошире и хватай его за голову. А ты, Пэр, вцепись ему в окорок. Потом каждый тянет в свою сторону и рычит на меня.

– Ефрейтор, ты понял?

– Вова, мы так не можем.

– Да что тут сложного?

После нескольких попыток Служителям Справедливости удалось отхватить по маленькому куску от тушки зайца.

– Неплохо для начала! – похвалил волк. – Теперь жуем и урчим от удовольствия.

Неожиданно Пэр захныкал:

– Вова, у меня что-то во рту сломалось!

– Ну-ка выплюнь!

Пэр подчинился. Волк озадаченно смотрел на два упавших на землю окровавленных обломка зубов, потрогал их лапой.

Брус заскулил:

– У меня тоже что-то сломалось!

– Выплюнь быстрее!

Пэр и Брус заскулили. Волк присел на задние лапы и задумался.

– Не понимаю я вас. Вроде бы по характеру вы хоть и не волки, но какие-то мои родственники – лиса, например, не совсем мне чужая. Чую, что вы свои, стараюсь вам помочь. Однако вот сейчас опять кажется мне, что вы, скорее, родственники глистов, которые меня изнутри едят.

Правда, вам удалось неизвестный мне лес или город так переделать, что вы там не только внутри других существ, но и на воле способны жить. Думаю, потому, что вы все-таки ребята шустрые. Только надо помнить, что наш мир еще не перестроен и здесь царит полнейшее беззаконие. Если мы, например, прикажем, чтобы от каждого пяти полян раз в месяц нам посылали зайчика, то будет много удивленных разговоров и, возможно, нас даже начнут жалеть, но ни один зайчик к нам не придет.

– Тогда мы накажем их по самым страшным законам! – прошамкал Брус, и глаза у него стали круглыми, потому что он не узнал своего голоса.

– Ефрейтор, ты что это? – так же прошамкал Пэр.

– Нормально, скоро научитесь без двух зубов орать, – успокоил волк. – А с зайцами ситуация такая: они тут все преступники, можно любого ловить.

– Вова, я понял. – Глаза у Пэра стали еще более круглыми, чем у Бруса. – Здесь можно все!

– Зайчики кусаются? – жалобно спросил ефрейтор, выплевывая кровь.

Волк сделал вид, что не услышал глупого вопроса.

– Ладно, вы поскулите, а я пока поужинаю... Молодцы, правильно на меня посмотрели! Мне сразу захотелось проглоченное мясо вам отрыгать, но это в первый и в последний раз.

Глава 7

Погоня

Роберт поцеловал Настю и осторожно, чуть касаясь, провел пальцами по ее волосам. Она спала крепким детским сном, приоткрыв рот. Другая русалка, отвернувшись, спала в нескольких метрах от них, за кустом шиповника. Было слышно ее ровное, с тихим присвистом дыхание.

Ночь была темной, и, похоже, собирался дождь, луна лишь изредка показывалась из-за туч. Роберт поднялся и, стараясь двигаться как можно тише, пошел к воде. Теперь, когда Настя его не обнимала, ему стало холодно, он зябко ежился. У воды оглянулся, – силуэты русалок едва угадывались в темноте.

– Настенька, милая моя девочка, Цветочек, простите, – прошептал он и медленно вошел в воду, стараясь дышать глубоко, но не в силах унять лихорадочную дрожь.

Каждый шаг давался ему с трудом, приходилось себя пересиливать. Даже когда Роберт был уже по плечи в воде, то продолжал дрожать от холода и страха. Он вновь оглянулся, но не увидел русалок, и ему стало ясно, что они исчезли из его жизни.

Он заставил себя отвернуться и пошел дальше. Вскоре он был вынужден встать на цыпочки, чтобы вода не попадала в рот. Казалось, что до берега уже недалеко. Роберт решил хорошо вдохнуть и побежать по дну озера.

Оказалось, что бежать под водой невозможно. Он не сделал и десятка шагов, когда почувствовал, что больше не может не дышать. В панике попытался прорваться вверх, к воздуху. Думать он не мог, как охваченный ужасом зверек, только судорожно бил вокруг себя руками и ногами и глотал воздух, если на мгновение удавалось поднять голову над водой. Вдруг его ноги нашли опору, он выпрямился и шумно задышал. Ноги подгибались, голова кружилась, но как чудесно было стоять и дышать!

Начал моросить дождь. Роберт, запрокинув голову, смотрел на небо, которое было единственным свидетелем его борьбы за жизнь. Воды он больше не боялся. Впервые он чувствовал себя победителем. Пошатываясь и глубоко вдыхая ночной воздух, он побрел к берегу.

* * *

У волка дернулось ухо, он открыл глаза и повернул голову к озеру, прислушался. Тем, на острове, почему-то не спалось, они купались. Русалок, правда, не было слышно: хитрые озерные волчицы плавали бесшумно. Зато преступник плескался за троих. «Лопоухий... что с него возьмешь, мои, конечно, посерьезней».

Волк зевнул, посмотрел на похрапывающих Служителей Справедливости и тоже закрыл глаза.

Медленно, почти на ощупь Роберт пробирался через ночной лес, дрожа от холода и вспоминая рассказ русалок. Горные жители не видели маленькую девочку. Настя и Цветочек сказали, что это еще ничего не значит, ведь лес неописуемо большой. Здесь много разных деревьев, в том числе две сосны, в дуплах которых был обнаружен мед, охраняемый злыми, но бесхитростными пчелами. Часто встречаются земляничные, грибные и цветочные поляны. Правда, есть и такие, на которых только время теряешь.

По центру лесного мира тянется горная цепь из пяти холмов и одиннадцати холмиков, на южных склонах находятся роскошные заросли кустарниковой вишни. Если после сбора урожая лежишь на спине, то кажется, что облака вот-вот зацепятся за вершины холмов.

Самая вкусная малина почему-то растет в Змеином овраге, как будто бы она змеюкам нужна. Что тут скажешь – сам не ам и другому не дам.

В озеро впадают три ручья, один родник и одна настоящая река... ну хорошо, речка. Ее берега далеко не полностью исследованы, но уже известно, что там растут черемуха, рябина, ежевика и даже смородина, причем как черная, так и красная.

А еще есть таинственный лес за болотами, в который только леший иногда ходит, хоть и говорит, что делать там нечего, – понятно, словам лешего грош цена. Во всяком случае, возвращается он с полной корзинкой голубики, хромает и кряхтит от натуги. Потом он просит ему ножку полечить, но голубику не дает. Он дедушка не вредный, только жадноватый.

Лес за болотами, конечно, не конец мира, однако никто не знает, какие земли находятся дальше. Когда об этом думаешь, то просто дух захватывает.

Роберт вежливо кивал, печально моргая и думая об Инге. Русалки вдруг начали вспоминать смешные истории из лесной жизни. Создавалось впечатление, что здесь не скучают, но, правда, юмор был весьма суровым.

Настя и Цветочек смеялись, хохотали, и Роберт невольно заулыбался. А когда они принялись его щекотать, то ему показалось, что он умрет от смеха. Был момент, когда он даже испугался, но русалки словно бы опомнились, удивленно переглянулись и зашипели друг на друга – так уморительно, что Роберт еще долго не мог успокоиться.

Думая о милых русалках, он на несколько минут забыл о холоде, хотя по-прежнему дрожал. Его страдальчески искаженное, исцарапанное ветками лицо неожиданно расплылось в улыбке. Какой же он был глупый, когда поверил, что Настя и Цветочек исчезли из его жизни! Возможно, он их больше не увидит, но они всегда будут рядом и... им не будет за него стыдно.

– Вова, сбегай за молоденьким зайчиком! – попросил Пэр, зевая и почесываясь.

– Пора завтракать, – прошамкал Брус с закрытыми глазами.

– Подождите! – огрызнулся волк. – Что это русалки психуют, по острову носятся? А недотепу-то не видно...

– Вова, делами потом займемся. Ты же слышал, ефрейтор сказал: «Завтракать!»

– Да, – подтвердил Брус, по-прежнему не открывая глаз. – И не шумите. Так хорошо было, когда вы молчали!

– Не скулить! – зарычал волк. – Дайте подумать! Неужто лопухий удрал... или русалки морочат нам голову?

– Разбудите меня, когда большая начнет раздева... – Ефрейтор тихо захрапел.

– Пэр, по какой причине преступник мог сбежать от русалок?

– Вова, ну откуда я знаю. Если хочешь, я пну ефрейтора – пусть думает!

– В любом случае надо его будить, а я пока немного прогуляюсь.

Волк вышел из-за кустов и, подняв морду, завыл. Пусть мелкие послушают, а то совсем порядка в лесу не стало.

«Островитянки не нашли лопухого и теперь сидят на дереве – есть у них такая кошачья привычка. Конечно, выгодная позиция. Сколько раз, бывало, Тимофей сверху фыркал, когда я мимо проходил, его не заметив, такого усатого и грозного.

Ладно, красавицы, погрузите и подумайте, сейчас моя очередь вашего глупого котенка искать».

Волк, не спеша, побежал по берегу, иногда останавливаясь и что-нибудь тщательно обнюхивая. Интересных запахов было много: косули пить приходили, рыжая кума мышку поймала... нет, похоже, обломилось куме, зато какому-то воздушному охотнику повезло – на камне капля птичьей крови.

В этой стороне человеком не пахло, волк побежал обратно. На русалок он не смотрел. Ясно было, что они с него глаз не сводят. «Вот так, все поняли, кто в лесу хозяин?»

На берегу стоял Пэр с обиженным видом.

– Вова, Брус меня тоже пнул и отказывается до завтрака думать!

– Ладно, я уже сам догадался, почему преступник сбежал: дочку ищет и еще боится, что русалки из-за него пострадают.

– Их без наркоза на органы разберут!

– Почему мы русалок кому-то отдавать должны? Сами съедим. Ты согласен?

– Конечно, Вова!

– Но только в том случае, если мы их поймаем, а не наоборот. Понимаешь?

– Нет.

– Поговори с ефрейтором, мне сейчас некогда.

Волк побежал дальше. Он еще не учуял следы человека, когда увидел тянущуюся от озера цепочку больших, четких следов. Преступник плыл в ботинках! Волк торжествующе посмотрел на русалок и в избытке чувств, потрясенный человеческой глупостью, снова завыл.

– Завтрака не будет! – яростно зарычал волк, его глаза налились кровью.

Служители Справедливости вздрогнули, но не сдвинулись с места.

Волк пытался успокоиться, рычание стало потише.

– Забыли, как я вас кусал?

– Вова, мы же сидим, – возразил Пэр. – Как ты нас укусишь?

Брус усмехнулся:

– Серый на вшивость проверяет!

– Я умею кусать не только за мягкое место, – объяснил волк и, помедлив, добавил: – Кажется, завтрак все-таки будет. По крайней мере, у меня.

Пэр возмущенно спросил:

– А у меня?

– Это зависит от Бруса, – уклончиво ответил волк.

Пэр повернул голову к ефрейтору, тот заерзал и промямлил:

– Вова, но почему мы должны без завтрака гнаться за преступником?

– Я тоже теперь так думаю, – угрюмо сказал волк.

– Да что тут думать-то? – удивился Пэр.

Втянув голову в плечи, Брус кивнул:

– Хорошо, хоть в уставе написано, что служба начинается после завтрака.

– Наверное, правильно, – согласился волк. – Не исключаю, что мы по дороге немного перекусим, но сейчас надо шевелить лапами!

– Это... – растерянно проговорил Пэр, однако тяжелый взгляд волка заставил его замолчать.

Когда они дошли до следов на берегу, волк повернулся к острову и не увидел русалок.

– Нету, – сказал Пэр.

– Прогнали преступника, потому что его накормить невозможно, и пошли в малин... марин... ну, где розовые таблетки висят, – предположил Брус.

– Вова, я тоже туда хочу!

– Нет их на острове... но в лесу я хозяин! – зарычал волк. Он опустил морду, приняв к следам, и взглянул исподлобья на Служителей Справедливости. – Сегодня я сожру человека и надеюсь, не кого-то из вас.

Потом они мчались через лес – по-видимому, следы вели к холмам. Впереди бежал Пэр, не оглядываясь и часто не в том направлении. Брус отставал, но заметно было, что старается изо всех сил. Волк иногда останавливался и призывно выл, чтобы Служители Справедливости не потерялись.

Следы преступника становились все более четкими.

Волк то и дело сглатывал слюну. Однажды, когда он ждал Служителей Справедливости, Пэр не появился.

– Влево забирай, – посоветовал добродушный старческий голос, – не бойся, болото скоро кончится.

Пэр то и дело падал, однажды провалился по пояс в черную воду и кое-как, судорожно выбрался. Потом он еще некоторое время стоял на четвереньках и скулил.

– Поплачь маленько, – вновь раздался старческий голос, – я тоже отдохну, и дальше потихоньку пойдем.

– Дед, ты бы хоть показался!

– Низенький я, шупленький, стесняюсь показываться.

Пэр сел на кочку и, как мог, обтер лицо. Надо было бы и брюки постирать, но пока не было возможности. Какое-то маленькое зеленое существо лениво ходило рядом. Служитель Справедливости прицелился, ловко наступил на зеленого, потом вытащил его, слабо шевелящего лапками, из тягучей грязи, почистил пучком травы и съел.

– Да... – сказал старичок, – от лягушек я никогда не отказываюсь, но жабу еще не пробовал. Пожалуй, ты на болоте не пропадешь, а зачем ты мне здесь? Мы, наверное, сейчас в другую сторону пойдем.

Кажется, старикашка прятался в кустах, метрах в пятнадцати от кочки, и легко можно было представить, как бы действовал волк Вова. Пэр заулыбался и подмигнул кустам.

– Хитренький, живучий пенсионер!

– Это... как ты меня обозвал?

– Не притворяйся! Я уже за троих таких, как ты, премию от господина майора получал!

– Тогда я тоже правду скажу. Мне за тебя семь карасиков пообещали. Конечно, не сразу, пришлось поторговаться, но я видел, что русалки суетятся, даже как бы немного не в себе, поэтому твердо настоял на своем!

Служитель Справедливости засмеялся:

– Я знаю, кто из нас премию получит, но все-таки интересно: семь карасиков – это сколько баллов?

– Ну... это очень много. У меня живот заболит и глаза на лоб полезут.

– Вот тут ты ошибаешься, сегодня у меня будет живот болеть!

Пэр подтянул тяжелые штаны и, зарывав, бросился к кустам.

Там никого не было! Некоторое время Пэр яростно размахивал руками и пинал воздух, пока не попал по молоденькому деревцу с тонким, но твердым стволом. Служитель Справедливости обиженно взвыл, запрыгал на одной ноге и вдруг увидел, что за кочкой, на которой он недавно сидел, кто-то прячется, – был виден вроде бы козырек фуражки.

Мыча от боли и рыча от злости, Пэр побежал обратно. Однако старикашка опять как-то смог исчезнуть. Пэр запрыгнул на кочку и, подобно хищной птице, вертел головой во все стороны. Потом сел, растерянно хлопая глазами.

– Какой ты шустрый, уфф... – Голос снова донесся из кустарника. – Ты больше так не делай, уфф... ножка-то у меня больная, да и не молодой я уже.

Яростно зарывав, Пэр бросился в атаку. Маленький старичок выбрался из кустов и поковылял прочь, пугливо оглядываясь. Пэр торжествующе захохотал. Теперь он не спешил. С гордо поднятой головой он шел вслед за жертвой. В этом смешном, отсталом мире никто не мог остановить Служителя Справедливости!

Внезапно его правая нога провалилась по колено, он чуть не полетел носом в грязь.

Глупый старик сочувственно кивнул и подождал, пока Пэр вытащит ногу, – вероятно, еще надеялся на пощаду.

– Это возможно, – согласился Пэр, восхищаясь своей хитростью. – Иди, старый, ко мне!

– Даже не знаю, как тебе ответить...

Леший вздохнул и пошел дальше, сильно припадая на одну ногу.

– Ты, стоять!

– Леший я. – Старичок не обернулся. – А стоять не хочу, сейчас моей ножке легче идти.

Внезапно Пэр истошно заорал – кто-то, спрятавшись в грязи, схватил его за ноги. Кое-как удалось вырваться, оставив один сапог невидимому чудовищу. Пэр отбежал на четвереньках подальше и завыл, как это делал волк Вова.

Леший покачал головой.

– Не люблю ворчать, но какой же ты беспокойный... – В этот момент леший что-то увидел, попятился и закричал: – Беги, беги, горемычный!

* * *

Волк наострил уши.

– Слышишь, ефрейтор?

– Слышу, конечно, – это у меня в животе урчит!

– Вроде бы Пэр на болоте выл. Может, и показалось мне, но чувствую, что здесь без лешего никак не обошлось.

Русалки и леший наслаждались теплом, привычно расположившись под наклонившимся к озеру кленом, ветви и корни которого протянулись до воды. Настя покачала головой:

– Дедушка, мы тебе все равно карасиков дадим, но ты правду скажи!

– Девоньки, я изо всех сил старался честно рассказывать, почти ничего не сочинил. Понимаю ведь, что дело серьезное... Настенька, ты не забывай мне коленку-то лечить, надо ее помять хорошенько, двумя ручками. Ох, как я нынче утомился!

Старшая русалка вздохнула:

– Видно, что ты устал. Рассказывать тебе тоже тяжело?

– Смотря как...

– Леший, ты, пожалуйста, расскажи еще раз – по возможности, правду, но сильно не напрягайся, а мы попытаемся твои рассказы сравнить.

– Ну, тогда я могу три раза рассказать, чтобы вам было что сравнивать. Значит, решил я заняться перво-наперво самым шустрим, и шел он за мной, как телок на привязи. Я имею в виду, что глупый он, будто теленок, однако вовсе не смиренный: наоборот, горячий и суетливый, пришлось от него побегать. Иногда я с ним разговаривал и даже показывался, чтобы он не убежал в другую сторону, – сильно ему хотелось меня поймать, якобы за меня награда положена. Наверное, путает что-то или правда я кому-то вдруг понадобился?

Леший посмотрел на старшую русалку и, кажется, надеялся услышать: «Естественно, дедушка, ты всем нужен. Как же без тебя!» Цветочек, думая о чем-то своем, рассеянно пожал плечами.

Обиженно попыхтев, леший продолжил рассказ:

– Когда мужичок чересчур далеко убежал, я испугался, хромаю за ним изо всех сил, кричу: «Пэр, ты куда, я здесь!» К счастью, он услышал, и не успел я толком отдышаться, как он уже вернулся!

Ладно, повел я его к озеру. Думаю, пусть мои девоньки сладкие Пэра пощекочут вволю, ну и дальше как получится – много ли тут у нас развлечений? Да и мужичок посмеется напоследок. За что я вас уважаю – никто не может сказать, что ему с вами скучно было.

Когда слева болото показалось, я долго терпел: и глаза по очереди закрывал и нос отворачивал, но не догадался уши заткнуть, а лягушки вдруг расквакались. Понятно, что мне поме-

решилось, не квакают они уже в эту пору, – но вот слышу, и все! Домой мне захотелось, аж сердце защемило!

Шепчу, обманываю сам себя: мол, пару минуток, в крайнем случае часок-другой по болоту погуляем, мимо мелких ям пройдем... то есть я мимо, а Пэр по ямам, потом поведу его опять к Цветочку и Настеньке.

Я ему объяснил: хоть озеро уже видно, но придется нам налево повернуть, прямо никак не получается. Он человек служивый, поэтому глупых вопросов не задавал. Конечно, много всяких слов я от него услышал, но «почему» или «зачем» – такие слова он не говорил.

Однако не думайте, что мне с ним легко было. Бегал он туда-сюда, скулил, особенно после первой ямы, а ведь обычная ямка была, по пояс ему, не какая-нибудь бездонная прорва...

Девоньки милые, недавно сон мне был: выкарабкиваюсь я потихоньку из Зеленой прорвы и смотрю с удивлением на божий мир. Кому-то моя медлительность надоела, взял он меня сзади за шиворот и пониже поясницы – полетел я и вот так в этом лесу оказался. Мне всё говорили, что я от сырости завелся. Нет, похоже, я к вам прилетел! Интересно, для чего? Чтобы у меня нога болела и все меня обижали?

Цветочек сочувственно улыбнулась.

– Мы же тебя не обижаем. Карасями всегда честно расплачиваемся, Настя тебе ножку лечит.

– Действительно, – с некоторым удивлением согласился леший. – Может, я просто чересчур ворчливый?

– Ты хороший дедушка, – возразила Настя, – но почему ты один пришел?

– Ох, девоньки, страшное дело! – Леший два раза грустно кивнул. – Шли мы, шли, и вдруг с Пэром что-то случилось. Он перестал скулить, съел жабу и начал за мной гоняться.

Только кто ж меня поймает, я могу и кочкой и корягой прикинуться. Правда, еле я вытерпел, когда Пэр решил на мне посидеть, – штаны у него так пахли, что я один раз вздохнул и больше не дышал. Не знаю, как бы я без воздуха жил, но повезло мне: Пэр по характеру беспокойный и долго на одном месте не сидит.

Однажды он стоял по колени в грязи и вопил – ему казалось, что кто-то его за сапоги держит. И зря я посмеивался... возможно, успел бы его увести.

Он сначала вырвался, отбежал на четвереньках, но надо было дальше бежать, а он завыл – товарищей звал или очень тоскливо ему было.

И вот, значит, выл служивый, наполовину в черную жижу опустившись, тем временем из нее неторопливо так выползли вроде бы гибкие голые ветки молодого деревца и обвили его, но не затягивали в болото – просто держали. К моему удивлению, он успокоился и постепенно совсем затих, после чего эти... похожие на ветки уползли обратно в грязь.

Пэр поднялся, насупился и спросил как бы не своим голосом – скрипучим, еще более старым, чем у меня: «Древнее существо, сколько перечислило ты в текущем году на счет в банке Моргенфеллера?»

Я, как мог, ответил: «В банках у меня ягоды на зиму, а насчет Моргенфеллера ничего не знаю. Думаю, русалки знают. Они, конечно, фамилию никогда не спрашивают, но если ты опишешь им этого мужичка...»

Пэр не дослушал и опять погнался за мной. Наверное, мой ответ ему не понравился.

Я забежал в кустарник и сам прикинулся мелким кизильником. Вдруг чувствую, что под землей ко мне кто-то ползет. Тут уж я больше не прикидывался, и не оглядывался, и не знаю, поверите вы мне или нет, но до самого озера не хромал!

Теперь расскажу еще раз... Настенька, спасибо, что ты мою ножку не забываешь, – пока ты ее лечишь, я не перестану рассказывать.

– Хорошо-то как, – неожиданно сказала Цветочек, – хоть бы зима подольше не начиналась!

Помедлив, леший ответил:

– Да пусть зима, лишь бы вы у меня были. – Маленький дедушка вытер ладонью глаза и опустил голову, потому что предчувствия его никогда не обманывали.

Пэр стоял на большой кочке, скрестив руки на груди и запрокинув назад голову. С глубочайшим презрением он смотрел на закатное солнце, дальние холмы и верхушки деревьев. Тем не менее он заметил Бруса и волка.

– Ефрейтор дореформенной Службы Справедливости и четырехлапое существо с хвостом, есть у вас счета в банке «Моргенфеллер»?

– Пэр, ты охрип, что ли, так? – удивленно спросил Брус. – Слезай с высокой земли!

– Не он говорит! – зарычал волк, шерсть у него встала дыбом.

Глава 8

София

Начало светать, и холод стал нестерпимым, вновь заморосил дождь. Время от времени Роберт, запинаясь и падая, пытался идти как можно быстрее. Сил хватало на несколько минут, потом он брел, опустив тяжелую голову и еле переставляя ноги. Он понимал, что надо идти, пока не станет теплей, а работа на конвейере научила его терпению. Однажды он упал и не смог подняться, глаза закрылись.

В мечтах амурных, в небесах лазурных
Летел поэт и клюв не закрывал —
Он пел рассвету о лобзаньях бурных!
А грустный волк в чащобе завывал.

Роберт пошевелился, из его груди вырвался хриплый стон. Все кости болели, словно он две смены работал на конвейере.

Вновь раздался мелодичный голосок, теперь удивленный:
– Чив-чив!

Роберт открыл глаза и увидел деревце с гроздьями красных ягод, на одной из веток сидела маленькая летающая игрушка... нет, Настя называла их птичками и рассказывала, что они хорошие.

Птичка участливо спросила:

– Ты ранен, друг, или устал?

– Друг... я... устал.

– Спеть тебе песенку «Спи, моя любимая»? К сожалению, других подходящих песенок я не знаю, но Коля под нее с похмелья хорошо спал.

– Спасибо.

Птичка запела... Роберт шел по лесу с дочкой на руках, баюкал и целовал ее. Когда он вновь проснулся, рядом с ним сидела изумительно красивая девушка, ее рука лежала на его плече.

– Добрый человек, тебе надо встать, земля холодная!

– Чив-чив! Вот и Коля с Тимофеем идут!

Повернув голову, Роберт увидел широкоплечего хмурого мужчину и усатое, еще более угрюмое существо на четырех лапках.

Мужчина и усатое существо подошли к Роберту и внимательно посмотрели на него. Птичка прошептала:

– Я же говорил – друг не пьяный, он устал!

– Ничего, дело поправимое, – сказал мужчина, – лишь бы воспаления легких не было.

Сильные руки неожиданно оказались у Роберта под мышками, посадили его сначала, потом поставили на ноги. У него закружилась голова. Девушка торопливо поднялась и, кажется, хотела взять Роберта за руки, но передумала. Мужчина тоже не поддерживал его. Роберта била дрожь, он пошатывался, однако постепенно голова перестала кружиться. Он благодарно взглянул на девушку, понимая, что ему не дали бы упасть.

Что-то теплое и мягкое легло на плечи и спину Роберта. Он вздрогнул и догадался, что это была странная куртка мужчины – незнакомец отдал ему свою вещь! Роберт был настолько потрясен, что даже не помогал девушке, которая пыталась просунуть его левую руку в рукав куртки.

– Не надо, – посоветовало усатое существо, – он в Колину фуфайку и так залезет.

Девушка кивнула и начала застегивать пуговицы куртки. Роскошные, волшебно пахнущие кудри иногда касались лица Роберта. Красавица вдруг покраснела и теперь избегала смотреть ему в глаза.

Роберт почувствовал у себя на голове фуражку, а на нее тотчас кто-то опустился и пару раз подпрыгнул, устраиваясь поудобней. Методом исключения Роберт пришел к выводу, что это мог быть только его маленький друг.

– Чирок, не наглей, – проворчало усатое существо, – ему бы себя донести.

Друг перелетел на плечо красавицы и, расправив крылья, зачирикал:

– Целую вечность не целовал я эту прекрасную шейку!

– Миленький, если будешь клеветаться, я опять щелкну тебя по клювику!

– О, жестокосердная! – с притворной обидой сказала птичка.

Полуживой Роберт неожиданно встрепенулся и горячо запротестовал:

– Друг, ты ошибаешься! Прости, но ты не прав!

– Да? – растерянно спросил поэт.

– Друг прав! – раздался ворчливый бас хмурого мужчины. – В жизни, конечно, всякое бывает, но зачем же так сразу по клюву?

– Вот именно! – поддержал усатый. – Я ни разу Чиру не говорил, что он по клюву получит, только, случалось, показывал ему мою мягкую, пушистую, немного растопыренную лапу. Поэтому Чир хоть вроде бы уже по-всякому меня обзывал, но жестокосердным еще никогда.

Роберт не умел спорить и выглядел обескураженным.

– Успокойся, нам не желают зла. – София улыбнулась. – Но спасибо, что ты за меня заступился!

Николай вышел из-за спины Роберта.

– Значит, парень, такое дело... Мы придем в один маленький замок. Там хозяйничает симпатичная крылатая женщина, и голос у нее приятный, но порой она бывает по-настоящему, ужасно жестокосердной. София с другом придут раньше нас и потом сделают вид, что впервые тебя видят. Понимаешь, девочке каждый день и без нашей помощи достается, а у друга с хозяйкой замка сложные отношения.

– Я ее не боюсь! – гордо сказал поэт.

– Мы знаем, что ты совершенно бесстрашный, – буркнул усатый, – приходится нам за тебя бояться.

Николай продолжил:

– Фея сразу начнет задавать глупые вопросы: почему вы такие олухи, что это за чучело, зачем вы его притащили? Я скажу, что ты странствующий водопроводчик седьмого разряда, а ты, если сможешь, кивни или скажи: «Да». Хорошо?

Роберту удалось кивнуть, но при этом он чуть не упал.

– Можно мне узнать, кто такой странствующий водопроводчик?

Ответил усатый:

– Не спеши, за работой мы тебе все расскажем, у нас уже есть кое-какой опыт и некоторые предположения. А пока просто сделай, как тебя Коля попросил.

– Думаю, будет еще один важный вопрос, – задумчиво сказал Николай, – насчет медовухи. Как ты к ней относишься?

– Не знаю... Что это такое?

– Мне твой ответ понравился. Только сомневаюсь, что фея тебе поверит. Если даже поверит, то обидится и разозлится, почему-то мне так кажется.

Усатый начал скрести за ухом.

– Точно, Коля, разозлится ведьмака, что он весь такой трезвенький.

– Да. – Николай вздохнул. – Ты, земляк, лучше скажи про медовуху: мол, настоящую уважаю, но в умеренных количествах.

Как тепло было в странном, огромном доме! Роберт блаженно улыбался. Ах да, его о чем-то спросили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.